

Врачебные [секреты]

Юлия Алейникова

ВРАЧ БЕЗ
КОМПЛЕКСОВ

Врачебные секреты

Юлия Алейникова

Врач без комплексов

«ЭКСМО»

2014

Алейникова Ю. В.

Врач без комплексов / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2014 — (Врачебные секреты)

ISBN 978-5-699-76060-2

Известная журналистка Евгения Потапова готовит передачу, посвященную проблемам современного сиротства. Особенно ее волнуют причины, по которым женщины отказываются от собственных младенцев. Занимаясь сбором информации, Женя случайно встречает в одном из роддомов свою бывшую одноклассницу Лену Матвееву. Девушка беременна и готовится к рождению малыша и свадьбе. Но вскоре Женя узнает: ребенок Лены умер во время родов, потом погибает и сама Лена. Ее убили в собственном подъезде при попытке ограбления. А младенец Лены жив-здоров и передан согласно программе суррогатного материнства биологическим родителям. Но Женя уверена, что Лена никогда бы не согласилась на участие в подобной программе и никому не отдала бы любимого и единственного сына. Потапова не привыкла доверять чужим словам и, раз уж оказалась втянутой в эту историю, должна сама все проверить...

ISBN 978-5-699-76060-2

© Алейникова Ю. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Алейникова

Врач без комплексов

Глава 1

Женя старалась не шевелиться. Промокший насквозь плащ противно лип к плечам. Зонтик прикрывал макушку, и только в туфлях хлюпало. Вокруг Жени плотной толпой, словно сбившись в пугливую стаю, стояли другие прощающиеся, тоже под зонтиками, и с этих зонтиков тонкими непрерывными струйками стекала холодная дождевая вода, на плечи, на спину, на рукава, а с рукавов прямо в карманы. Женя, стараясь не шевелить плечами, вытащила руку из кармана, чтобы было не так противно. Тоскливое серое небо и мелкая морось дождя, почти голые, длинные, тонкие, словно больные березы и осины на краю кладбища, были идеальной декорацией для похорон.

Женя сглотнула ком в горле и снова посмотрела на худосочные, крениющиеся от немоги березы в конце расчищенной под новые могилы площадки. Боже мой, как это все страшно, и как об этом не хочется думать! И не думать нельзя.

А в голову лезли какие-то затасканные, подходящие к случаю мысли. Такая молодая, как несправедливо, ей бы жить да жить, такая девочка хорошая была. Мать жалко, одна растила.

Женя покосилась направо, там, выпрямив спину и поджав губы, стояла Ольга, за ней всхлипывала в платочек Лиза. Все они когда-то учились в одном классе вместе с Леной. Ныне покойной. Дико это все. Покойной.

Женька пошевелила промокшими плечами и тут же сморщилась от холода и отвращения, а потом подвинулась к Ольге и взяла ее под руку, прижавшись к крепкому, надежному, как крепостной контрфорс, боку. Ольга была у них железобетонной барышней, и иногда это оказывалось очень кстати.

А потом они бросали в могилу мокрые, слипшиеся комочки земли, и Женя слышала, как кто-то позади нее озабоченным, старческим голосом сокрушался, что место сыровато, придется могильщикам доплачивать, чтобы песка подсыпали. Жене стало от этих прозаических рассуждений еще тоскливей и страшно захотелось сбежать с кладбища прямо домой. Но было нельзя, поминки.

А потом они ехали в тряском, мрачном, сине-черном автобусе, где все либо тягостно молчали, либо тихо перешептывались о покойной Леночке, о похоронах, о том, сколько стоил гроб и кто помогал все организовывать. А Женя, откинувшись на автобусный подголовник, смотрела в окно и думала об их с Леной последней встрече.

Это было, наверное, дня за два до ее гибели, а может, за три? Они встретились возле «Перекрестка». Женя собиралась зайти к родителям и хотела купить что-то к чаю, а Лена шла домой от остановки. Женя очень обрадовалась встрече, потому что так и не успела поздравить ее после выписки из роддома.

А вообще все это странно. В школе они не дружили, так, общались, не более. Потом лет восемь не виделись, столкнулись случайно в роддоме, потом у «Перекрестка», а потом Лена умерла, и вот Женька едет к ней на поминки. А если бы не встреча в роддоме, узнала бы она вообще о случившемся?

Начало сентября в городе было жарким и солнечным, Женька даже не заметила, как он наступил, если бы не Трупп с назойливыми напоминаниями о грядущем эфире, так и вовсе бы считала, что на дворе лето. Вспомнив об отпуске, Женя сладко вздохнула, зажмурив глаза,

словно от слепящего южного солнца. В этом году впервые за много лет она провела отпуск так, как давно мечтала.

Они с Ольгой ездили в Анталию. Четырехзвездочный отель, море, дискотеки, никто не скандалит, не портит настроение, и никому ты ничем не обязан. Рай! Суший рай! Вон, даже загар до сих пор не сошел. Женька с удовольствием взглянула на украшенную тоненьким золотым ободком браслета руку.

В тот день она очень торопилась. К часу надо было успеть на встречу с главврачом, а до этого она обещала Володе встретиться с его новым подзащитным и его родственниками. Молодой парнишка попал в глупую запутанную ситуацию, из которой выбраться самостоятельно ему не удалось. Володя считал, что история молодого авантюриста может быть Жене как журналисту интересна, а для самого парнишки правильное освещение в прессе его «подвигов» будет спасительным благом.

Жене история интересной не казалась, но отказать Володе она не могла, поскольку он вроде как считался женихом¹.

«Вроде как считался», – повторила про себя рассеянно Женька, осматривая прихожую и пытаясь сообразить, ничего ли она не забыла. Мобильник, ключи, сумка, деньги вроде еще оставались, хотя надо бы обналичить хоть тысяч пять. Женька любила наличность, живые бумажные купюры вселяли в нее определенную долю уверенности и внушали некую иллюзию безопасности. Глупость, конечно, никакой безопасности деньги не гарантировали, во всяком случае, ее три копейки, но определенный комфорт наличные обеспечивали. Например, на днях нарушила она правила на перекрестке, и добрый дяденька в форме, в общем-то, готов был закрыть глаза на ее прегрешение за скромную сумму в одну тысячу рублей, сэкономив время, которое Женька должна была потратить на беготню по сбербанкам и официальную оплату штрафа. Так ведь нет. Не было у нее этой самой тысячи. А до этого она опаздывала к Насте из «Новостей» на свадьбу, подарок был куплен за неделю, а вот цветы пришлось покупать по дороге, и Женька очень удачно притормозила у метро, где тетки под навесами продавали почти шикарные букеты, но у Женьки опять не хватило наличных, пришлось рулить в магазин, полчаса парковаться и стоять очередь в кассу. А еще она не смогла купить мороженое на улице, а очень хотелось, а потом у нее не нашлось триста рублей для сопливого информатора, отказывающегося забесплатно сообщить, когда бабушка придет с работы. А еще... Да разве все считаешь?

Одни неудобства с этой кредиткой, размышляла Женька, выбегая из подворотни. Одно только с ней удобно – кредит выплачивать, горестно вздохнула Женька, загружаясь в свою новенькую, красненькую, славненькую машинку, за которую она отваливала банку, страшно сказать, аж девять тысяч ежемесячно! Еще недавно немыслимые для нее деньги. А ведь Женька еще оплачивала аренду квартиры, одевалась, питалась и даже умудрилась съездить в отпуск.

Мама уже давно говорит, что аренда – это расточительство, пора в свою квартиру перебираться, имея в виду, к ним с папой. Женька, конечно, тоже рада была бы жить в своей квартире, но именно в своей. Но пока кредит за машину не выплачен, ни о какой покупке жилья речи идти не может, а годы идут, и квартиру хочется сейчас.

Уж если и переезжать к кому, так только к мужу, но уж никак не к родителям, но вот с мужем имелась пока некая неопределенность.

За этими меркантильными размышлениями Женька не заметила, как добралась до Володиной конторы.

Адвокат Владимир Александрович Скрябин встретил ее в приемной, обняв по-свойски за плечи, клюнул в нос коротким поцелуем и повел в сторону своего кабинета, поглядывая

¹ История знакомства и помолвки Жени с Володей Скрябиным описана в книге Ю. Алейниковой «До последнего удара сердца».

сверху вниз на маленькую худенькую Женьку, старательно вытягивающую шею, чтобы заглянуть ему в глаза, и самодовольно усмехался.

У журналистки Евгении Потаповой уже успела сложиться в городе весьма грозная репутация. Если Женька бралась за какое-нибудь расследование, то всегда доводила его до конца, не считаясь с именами и должностями, никогда не отступая и не малодушничая. Работая, что называется, не за страх, а за совесть. И вот эту «грозную», «беспоощадную» королеву скандальной питерской журналистики он сейчас держал под мышкой. Такую маленькую, худенькую, с озорным ежиком черных коротких волос на голове и легкой, неуверенной улыбкой.

Володе было приятно и даже немного лестно от того, что он мог так запросто обнимать Женьку, целовать в нос, слегка посмеиваясь, и чувствовать себя большим, сильным и очень умным, потому что, несмотря на свою популярность и репутацию, в жизни Женька была скромной, немного неуверенной в себе, симпатичной девчонкой. Ее и на улице-то никогда не узнавали, если она, конечно, специально не ставила перед собой такой задачи. Сегодня, вероятно, ставила, потому что была одета в строгий дорогой костюм, и туфли у нее были на каблуках.

– У тебя сегодня какие-то встречи? – спросил Володя, окинув Женю изучающим внимательным взглядом.

– М-м, – кивнула Женька. – Уже через полтора часа, – взглянув на часы, висевшие в конце коридора, пояснила она.

– Успеем, – взъерошив свои жидковатые светлые волосы, уверил ее Володя и, поймав Женкин полный сомнения взгляд, успокаивающе подмигнул ей.

– Семейство молодого олуха ждет, – объяснял Володя возле кабинета. – Парнишке уже двадцать, но дурак дураком, сама сейчас увидишь. С мамкой огрызаться ума хватает, а понять, что его в аферу втянули, уже нет.

– Володь, ты уверен, что эта история может представлять интерес для кого-то, кроме органов правопорядка? – робко спросила Женя, не желая огорчать предмет своих матримониальных чаяний.

Молодой дурак, сидевший с мамой в Володином кабинете, попался в ювелирном магазине, когда пытался подменить кольцо с бриллиантом на подделку. Операцию эту он уже неоднократно проворачивал в различных магазинах одной ювелирной сети, и всегда совершал подмену кольца определенного фасона. Первые шесть раз операция прошла без сучка без задоринки, а вот на седьмой мальчика сцапали.

Мальчик сразу же честно во всем признался, рассказал, кто его в авантюру втравил, кто ему кольца поставлял, а о том, кто их делал, он не имел понятия. К сожалению, своего компаньона мальчик знал только по имени, тусили пару раз в одном клубе, телефон, по которому они держали связь, оказался оформлен на какого-то пенсионера из области, где компаньона искать, мальчик представления не имел. Вот и получалось, что единственным виновным в ущербе, нанесенном ювелирной сети, оказался сам юный идиот. Звали мальчика Тема, был он из хорошей семьи с определенными связями, но, вероятно, недостаточными, чтобы отмазать мальчика от неприятной истории.

Жене история показалась глупой и неинтересной, но из уважения к Володе она ее внимательно выслушала и пообещала обсудить с Труппом² возможность освещения этого сюжета в одной из программ канала, хотя говорить ни с кем не собиралась.

Оставив мальчика с мамой в кабинете, Володя проводил ее до машины, потерся носом о лоб и пообещал заехать после работы, потом, быстро оглянувшись по сторонам, коротко поцеловал и усадил в машину.

² Подробный рассказ о том, кто такой Т. К. Трупп, читайте в книге Ю. Алейниковой «Божья кара».

У Жени лишь однажды за двадцать шесть лет жизни стряслись серьезные отношения с представителем противоположного пола. Именно стряслись, как несчастье. И длились они без малого шесть лет. Шесть долгих, мучительных, полных надрыва лет.

Ей сложно было судить, правильные у нее с женихом отношения или нет, потому что предыдущие были сплошной патологией. Может, это нормально, когда между людьми уже все решено и страсть уже не сжигает? Когда дежурно клюют в нос и коротко целуют у машины, зато как-то спокойно, надежно, по-хозяйски, так, словно они уже женаты? Посоветоваться было особенно не с кем. Ольга была не замужем, Лиза была замужем, но у нее в жизни все было как-то чересчур сладко и розово идеально, больше близких подруг у Жени не имелось. А мама говорила, что, возможно, так даже и лучше, зато без трагедий. Чтобы «без трагедий», для мамы было главным со времен Владика Корытко³. Возможно, так оно и есть.

Эти размышления удачным образом заполнили всю дорогу до роддома № 3, в который так торопилась Женя.

– Здравствуйте, Евгения Викторовна! – поднялся ей навстречу из-за стола невысокий, лысоватый, с рыжим пушком за ушами, облаченный в крахмальный белый халат главврач родильного дома. – Прошу вас, проходите, присаживайтесь!

Голос главврача звучал бодро, радостно, улыбка была лучезарной, а вот глаза, спрятавшиеся за круглыми в темной пластиковой оправе очками и от этого казавшиеся тоже круглыми, были тревожны. Репутация, вздохнула про себя Женя, уже привыкшая к настороженности, с которой ее встречали должностные лица различных рангов.

– Здравствуйте, Аркадий Иванович, – проходя к начальственному столу и протягивая руку, поприветствовала радушного хозяина Женя. – Спасибо, что согласились уделить мне время.

– Ну, что вы. Мы всегда рады любому сотрудничеству с прессой! – пожимая двумя руками ее маленькую, по-детски теплую ладошку, проговорил Аркадий Иванович и вслед за Женей опустился в свое рабочее кресло. – Чай, кофе? – тут же предложил он тусовато, не спеша перейти к делу.

– Чай. Обычный, черный, без всего, – коротко ответила Женя, чтобы сократить по возможности угощательный ритуал.

Аркадий Иванович Булыгин отдал секретарше необходимые распоряжения и теперь уже серьезно и вопросительно взглянул на Женю, сразу обретая недостающую его внешности солидность.

– Итак, дорогая гостя, что привело вас к нам? Ожидания ребенка или служебные дела? – солидно складывая перед собой руки, спросил Аркадий Иванович.

– Наш канал готовит цикл передач, посвященных детям-сиротам, – одернув пиджак, заговорила Женя. – Точнее, первая передача цикла уже прошла и была посвящена проблемам российских детских домов и трудностям, с которыми сталкиваются добросовестные усыновители. Передача, посвященная недобросовестным, выйдет в эфир на следующей неделе. Но нам пришла в голову мысль разобраться в причинах сиротства и выяснить обстоятельства, которые вынуждают матерей отказаться от собственного ребенка, причем начать с тех, кто отказывается от новорожденных младенцев, ведь, насколько мне известно, помимо откровенно неблагополучных, малообеспеченных или очень юных женщин, такие поступки совершают и вполне обычные, среднестатистические женщины. Я имею в виду работающие, имеющие жилье, – пыталась максимально ясно изложить свою мысль Женя.

Аркадий Иванович согласно кивнул, сперва журналистке, потом появившейся на пороге секретарше. Секретарша быстренько просеменила к столу, поставила перед начальником сер-

³ Читайте книгу Ю. Алейниковой «Божья кара».

винованный на двоих чайный поднос и быстро удалилась, предоставив Аркадию Ивановичу самостоятельно расставлять чашки и разливать чай.

Он поддернул рукава халата и, поправив непослушные рыжие кудряшки за ушами, принялся расставлять на столе чашки.

– Ясно. А почему вы выбрали именно наш роддом и чем именно мы можем вам помочь? – все еще настороженно стреляя в Женю тревожными круглыми глазами, уточнил он.

– Вы один из крупнейших роддомов нашего города. Не элитный, с хорошей репутацией, – осторожно подбирала слова Женя, боясь обидеть хозяина учреждения, уже разлившего чай и теперь расставляющего на столе с хлопотливой ловкостью опытной хозяйки сахарницу, конфетницу и плетенку с печеньем. – Наверняка у вас время от времени случаются отказы от новорожденных. Мы бы хотели изучить статистику, узнать, принимаются ли какие-нибудь меры сотрудниками роддома и социальными работниками для их предотвращения. Ведется ли какая-то работа с матерями, с их семьями и как эти мамы объясняют свои поступки. – Мамаши-кукушки вызывали у нее чувства сугубо негативные, и ей было глубоко наплевать на их горести-печали, которыми они прикрывались, бросая собственных новорожденных детей, беспомощных, таких чистых, светлых, нуждающихся в любви, заботе и защите. Хватило ума и времени с мужиком переспать, не озаботилась мерами предохранения, выносила, родила? Вот теперь расти и заботься. Потому что это вчера ты была безответственной вертихвосткой, а сегодня ты мать. И изволь соответствовать. А еще надо разыскивать папаш и обязывать их содержать собственное потомство, потому как для зачатия ребеночка, как известно, нужны двое. А особо несговорчивых и жадных на лесоповал, или в шахту, или еще на какие-нибудь тяжелые работы, чтобы остальные дрожали, сердито раздувая ноздри, рассуждала Женя.

Несмотря на свои двадцать шесть, почти уже двадцать семь лет, она отличалась почти детским максимализмом. Вероятно, это самое качество помогало ей с такой маниакальной настырностью и принципиальностью доводить до конца все свои расследования, оставаясь безжалостной к преступникам, не пытаясь оправдывать их поступки и вдаваться в их резоны и не особо заботясь о возможных последствиях, грозящих ей, как автору передачи.

Хотя государство наше тоже хорошо, ворчала она про себя, пока главврач задумчиво накручивал на палец нежный, упругий, золотой завиток за ухом. Плакаться по телевизору, во сколько обходится содержание сирот в детских домах, на это у них ума хватает, а помочь матери-одиночке – нет. Имеется в виду по-настоящему помочь, а не кинуть ей подачку, на которую не то что ребенка прокормить нельзя, а даже хомячка.

Подумав про хомячка, Женя вдруг сообразила, что сидит молча, надувшись, глядя куда-то в стену под недоуменным взглядом Аркадия Ивановича.

– Простите, – смущенно буркнула Женя, пододвигая к себе чашку. – Вот, собственно, о какой помощи я хотела вас попросить. Ну и конечно, адреса, телефоны этих отказчиц. Возможно, кто-то из них согласится со мной встретиться.

Поняв, что репутации возглавляемого им медицинского учреждения ничего не угрожает, так же как и отдельно взятым его сотрудникам, Аркадий Иванович подобрел, расслабился и с удовольствием глотнул остывшего чая.

– Если женщина приняла подобное решение, то ей следует написать заявление об отказе от ребенка в роддоме. В этом случае все документы передаются из роддома в органы опеки, а ребенок помещается в дом малютки, – объясняла Жене старшая акушерка Светлана Игнатьевна, к которой журналистку направил Аркадий Иванович для дальнейшего изучения вопроса. – При добровольном отказе от ребенка мать не лишают родительских прав на протяжении шести месяцев, по закону ей дается время подумать и, возможно, изменить свое решение. По истечении этого срока ребенку может быть назначен опекун.

– А бывают такие случаи, что мать отказалась от ребенка, а отец его забрал? – спросила Женя, делая пометки в блокноте, записывать на диктофон беседу она не стала.

– Теоретически да. Если мать не забрала ребенка из роддома, то по решению органов опеки забрать ребенка имеет право в первую очередь отец. Но на моей памяти такого не было, – пожала плечами акушерка. – Если отец также не забирает ребенка, то это право получают бабушки, дедушки и другие родственники.

Лишение родительских прав производится через шесть месяцев. На протяжении этого срока ребенок находится в государственном учреждении.

– Неужели, взяв ребенка на руки, они могут так легко с ним расстаться? – пытаюсь справиться с рвущимся наружу осуждением, проговорила Женя.

– Некоторые потому и брать не хотят, чтобы легче было, а другие понянчатся, как с игрушкой, а потом чирк бумажку, только их и видели. – В голосе акушерки слышалось презрительное неодобрение. – И ведь ладно бы от больных отказывались или от инвалидов, еще можно понять. Здоровеньких бросают, – вздохнула Светлана Игнатьевна. – Хотя надо отдать должное, в последнее время таких случаев стало крайне мало. Вот в конце девяностых – это был ужас!

– А вы сможете дать мне адреса и телефоны таких женщин, ведь они оставляют свои данные, когда пишут отказы?

– Ну, разумеется. Точные данные из архива завтра мы для вас подготовим, – уже провожая Женю к выходу, говорила старшая акушерка Светлана Игнатьевна, – но я не думаю, что кто-то из них захочет с вами встретиться, к тому же адреса и телефоны у женщин могли давно поменяться.

– Я все понимаю, но попытка не пытка. К тому же есть надежда на социальных работников, особенно, – Женя заглянула в свои записи, – на Антонину Ильиничну. Я правильно записала?

– Да. С тех пор как она возглавила районный отдел опеки, с такими мамами действительно начали работать, и не просто уговаривать, а разбираться в конкретных причинах, проблемах, и знаете, пару раз реально помогли не остаться ребенку сиротой.

В это время они проходили по какому-то широкому светлому коридору, в котором на диванчиках сидели женщины с разными сроками беременности. Светлана Игнатьевна, увидев в конце коридора кого-то нужного, принялась торопливо прощаться с Женей, слегка ускорив шаг. Женя торопливо продолжала идти за ней, записывая на ходу последние замечания акушерки, и потому лишь мельком бросила взгляд на выходящую из одного из кабинетов беременную женщину в сопровождении молодого симпатичного врача. Врач был высок и хорош собой, и Женя невольно отметила, какие интересные сотрудники работают в российских роддомах. Доктор, как-то трогательно, почти по-родственному поддерживая под локоток свою пациентку, повел ее к лифтам.

Женя наконец-то попрощалась со Светланой Игнатьевной и двинулась на выход. Когда она проходила мимо лифтов, погруженная в собственные размышления, кто-то ее окликнул веселым, каким-то почти по-детски восторженным голосом.

– Женя! Потапова!

Женя оглянулась. Окликнула ее та самая беременная, которую провожал симпатичный доктор.

– Женька! Привет! Не узнаешь, что ли? – нежно обнимая огромный, обтянутый цветастой туникой живот, радостно вопрошала незнакомка.

Женя прищурилась, нахмурила лоб и с удивлением протянула:

– Лена? Матвеева? – она рассматривала почти не похожую на себя, радостно кивающую одноклассницу. Губы у Ленки, вероятно, вследствие беременности, как-то распухли, утратив

четкие очертания, лицо округлилось, да и прическу она теперь носила совсем другую, не как десять лет назад. Что, впрочем, было вполне естественно.

– Ты что, тоже беременная? На учет пришла вставать? – поправляя густую каштановую прядь, выбившуюся из прически, радостно спросила Лена.

– Да нет. – Женя растерянно перевела взгляд с огромного Ленкиного живота на свой, абсолютно плоский. – Я тут по делу. А ты как? Замужем, первого рожаешь? – уже придя в себя от неожиданной встречи, спросила Женя, улыбнувшись в ответ на Ленину сияющую улыбку.

– Первого, – еще шире улыбнулась Лена.

– И кого ждете? – Жене вдруг отчего-то захотелось тоже прикоснуться к Ленкиному животу, в котором тихонько дремала новая, крошечная жизнь. И она осторожно протянула руку и легонько погладила упругий, натянутый до предела, с выпирающим наружу пупком живот.

– Мальчика, – ответила одноклассница, ничуть не удивившись странному Жениному порыву и словно подставляя ей живот. – Уже немного осталось, тесно тебе там, бедненькому, – ласково проговорила она, обращаясь к животу.

– Уже придумали, как назовете? – отрываясь наконец от Ленкиного живота, спросила Женя.

– Я хочу Кирюшкой, а Диме нравится имя Михаил. Так что, наверное, назовем Мишкой, – ни капельки не расстраиваясь по этому поводу, объяснила Лена.

– Дима – твой муж? – решила из вежливости уточнить Женя.

– Ну да. Ты его только что видела, – гордо сообщила Лена, оборачиваясь в сторону коридора. – Он у меня врач.

– Вот тот высокий? – с долей удивления и легкой зависти спросила Женя, оборачиваясь вслед за Леной.

– Гм. – Ленина улыбка никак не хотела гаснуть, хотя Лена и пыталась спрятать ее. – Правда, мы пока не расписаны, но вот родится малыш ... – И она сладко вздохнула.

– А почему не расписаны? – тут же насторожилась журналистка, вероятно, уже привыкшая во всем отыскивать подвох и злой умысел.

«Кажется, это начало психоза, а может, шизофрении, или мании преследования, или еще чего-то патологического», – запоздало одернула себя Женя.

Но Лена в ее вопросе ничего особенного не усмотрела и простодушно поделилась:

– Понимаешь, у Димы папа недавно перенес третий инфаркт, и ему сейчас категорически волноваться нельзя, а он у Димки профессор медицины, светило с мировым именем, а его мама всю свою жизнь посвятила карьере отца и Димкиной тоже. Дима у меня кандидат наук, а мать хочет, чтобы он дальше рос, и если уж женился, то на девушке достойной, желательно тоже имеющей отношение к медицине, аспирантке или кандидатке наук, – рассказывала она, то и дело печально склоняя к плечу голову, и ее пухленькие щечки вздрагивали. – И она совершенно не обрадуется, если Димка женится на обычной операционистке из банка. Поэтому мы решили пока подождать, а вот ребенок родится, тут уж мы его бабушке с дедушкой предъявим, им деваться будет некуда.

– А сейчас он у тебя живет или вы квартиру снимаете? – полюбопытствовала Женя, уже из праздного интереса.

– Да нет. Он у родителей живет, но постоянно ссылается на дополнительные дежурства, платные роды и так далее, а сам у меня ночует. Разрывается на два дома. Но это ничего, – храбро улыбнулась Лена. – Скоро мы поженимся, и все будет замечательно. – И она обняла свой живот, как залог грядущего немеркнущего счастья.

– Подожди, а твоя-то мать как на это смотрит? – снова нахмурилась журналистка.

– Ну, она всего не знает, я же теперь отдельно живу. Мы с бабушкой поменялись. Она к маме переехала, а я в ее квартиру. Она уже старенькая, за ней уход нужен, а я, наоборот,

молодая, мне личную жизнь устраивать надо, – шутливо-наставительным тоном проговорила Лена. – А у тебя-то как? Ты замужем, дети есть?

Услышав этот вполне логичный, безобидный вопрос, Женя отчего-то надулась и испытала страстное желание попроситься с беременной одноклассницей.

– Я сейчас нет, – как-то невразумительно проговорила Женя. Потом взглянула на дисплей мобильного и наигранно испуганным тоном произнесла: – Батюшки, я же на встречу опаздываю! Извини, Лена, удачных тебе родов. – И, не дожидаясь ответа, припустила к лестнице и быстро помчалась вниз по ступенькам, словно опасалась погони.

Следующие две недели Женя регулярно бывала в роддоме, потому как буквально через три дня после ее визита одна из родивших женщин заявила о своем желании оставить ребенка на попечение государства. Женя в мерзавку вцепилась, как клещ в собачий загривок.

В один из своих визитов она случайно увидела из окна ординаторской, как из роддома выходит Лена и садится в машину со своим доктором. Выглядела Лена хоть и толстенькой, но какой-то словно сдувшейся.

– Ой, вы не знаете, – обернулась она к сидевшим у нее за спиной возле стола врачам, – Елена Матвеева уже родила? Это моя знакомая.

– Матвеева? – переспросила, задумавшись, пожилая Софья Игоревна, – надо у Вики на посту спросить.

– Да родила и даже уже выписалась, – кивнула согласно другая врачиха, Анна Леонидовна. – Мальчик у нее.

Надо будет позвонить поздравить, решила про себя Женя. А может, даже заехать и что-нибудь ребеночку подарить.

Глава 2

Но заехать у Жени не получилось, она даже позвонить забыла, с головой погрузившись в борьбу за чужое счастье. Женщина, решившая отказаться от ребенка, оказалась вовсе не мерзавкой, а скорее жертвой несчастных обстоятельств. Звали ее Верой, было ей тридцать пять. Работала бедняжка на трех работах, не имела ни образования, ни жилья, зато имела двоих детей от погибшего в аварии пять лет назад мужа. Мальчику было семь, а девочке шесть. Жили они у Вериной свекрови, согласившейся приютить сирот, но не желавшей видеть саму Веру. Вера пахала как проклятая, отдавая практически все заработки свекрови и встречаясь с детьми либо на лестничной клетке, либо на улице. Сама снимала какой-то угол и была на грани отчаяния. Забеременела случайно, впервые за пять лет заведя роман и совершенно потеряв голову. Узнав о беременности, хотела сделать аборт, а герой ее короткого романа отговорил, наобещав золотые горы. И собственную квартиру, и ее детей усыновить, и свадьбу, а потом сбежал, когда Вера была на седьмом месяце и аборт делать было уже поздно.

Теперь Вера целыми днями лежала лицом к стене и выла от отчаяния. Ей кололи успокоительные и грозили выкинуть из роддома. И, наверное, выкинули бы, чтобы прочих рожениц не нервировала, все равно от ребенка отказалась, но тут, на несчастье учреждения, а может и на счастье, нарисовалась Женька, которая принялась добросовестно обличать это «бессердечное чудовище» в облике человека. А от журналистки Потаповой еще никто не уходил. Женьке хватило трех дней, чтобы разобраться, что настоящий монстр не Вера, а ее свекровь, с которой она имела удовольствие побеседовать сквозь дверную щель. А еще она имела серьезный разговор с Вериным семилетним сыном, подкарауленным возле школы, и ее шестилетней дочкой, с которой разговаривала сквозь решетку детсадовской ограды. Дети были запуганы, боялись родную бабушу до обморока, скучали по матери и имели вид несчастный и болезненный. Этот факт заставил Женю плотно взяться за престарелого тирана, и в результате глубинных изысканий и многочисленных консультаций с начальницей местных органов опеки и попечительства, давления на старуху, запугивания, уговоров и требований принять к себе Веру и не лишать детей родной матери, впрочем, совершенно безрезультатных, Женя была вынуждена вставить коротенький сюжет в программу новостей собственного канала, пообещав в дальнейшем более развернутые комментарии с места событий. Гадкая старуха обозлилась еще больше, упиралась и грозилась выкинуть детей на улицу. Женя с начальницей опеки Антониной Ильиничной пошли на опережение и детей у старухи отняли, вместе с Вериной зарплатой. Старуха, поняв, что лишилась регулярного дохода, позеленела от злобы, но в квартиру никого так и не пустила.

Веру из роддома все же выписали, и не одну, а с ребенком, и временно поселили в кризисном центре, туда же перевезли ее детей, отнятых у бабки. Вера устроилась с детьми в центре и была абсолютно счастлива, видимо, наивно надеясь остаться там навсегда. Благотворительные фонды помогли ей собрать приданое для малыша, назначили пособие, плюс социальные службы принялись оформлять на нее полагавшиеся по закону, как матери-одиночке, льготы, о которых несчастная, запуганная, замученная жизнью необразованная Вера даже не догадывалась.

А Женю вдруг посетила светлая, да нет, что там, просто гениальная мысль встретиться с нотариусом, занимавшимся наследственным делом покойного Вериного мужа. А дело-то, оказывается, имелось!

Нотариус крайне удивилась, узнав от Жени, что у покойного имелись жена и дети. Ибо, как стало известно, у Вериного мужа при жизни имелась одна вторая доля собственности в трехкомнатной, ныне принадлежащей целиком его матери, квартире, о которой Вера понятия не имела. Зато понятие имела свекровь, но нагло заявила у нотариуса при оформлении наслед-

ства, что ни о каких прочих наследниках имущества сына знать не знает. И все захапала себе, лишив, таким образом, законной доли собственности и невестку, и родных внуков.

К сожалению, срок давности по завещанию вышел, и затребовать свою долю Вера уже никак не могла. Вера не могла, а вот несовершеннолетние сироты могли! И Женя немедленно взялась за дело, она задействовала Володю, заставив его в качестве благотворительности, совершенно безвозмездно взять на себя представление Вериных интересов в суде и прокуратуре. На квартиру мигом наложили арест, органы опеки интересы сирот поддерживали. А Женя, чтобы сломить сопротивление старухи и приблизить победу масштабной кампании по борьбе за интересы семьи Сапуновых, такова была Верина фамилия, почти сутки дежурила с оператором Димой возле подъезда Вериной свекрови, останавливая каждого входящего и выходящего из подъезда, рассказывая им трагическую историю матери-одиночки и троих сирот и живописуя деспотизм, подлость и жадность старухи Сапуновой. К вечеру дверь последней квартиры была оплевана особенно эмоциональными согражданами, а сама она боялась нос наружу высунуть, столь враждебно к ней были настроены соседи по подъезду, да что там, к вечеру история стала достоянием целого квартала. А Женя для пушей острастки запустила второй сюжет в новостях.

В итоге старуха капитулировала, добровольно выделила Вере и детям полагающуюся по закону долю наследства, рекомендованная Володей знакомая риелторша помогла быстренько разменять квартиру, и не успела Вера глазом моргнуть, как оказалась с детьми в отдельной, хоть и маленькой, но все же двухкомнатной квартире.

А ведь параллельно с этим Женя провела очередной эфир, готовила следующий, устранивала папу в больницу на обследование, разыскивала отказниц, чьи данные ей предоставила Светлана Игнатьевна, встречалась с Володей, пару раз ходила в театр с Платоном⁴ и даже ремонтировала с ним крышу у себя на даче. Точнее, ремонтировал он, а Женя стояла внизу, задрав голову, и время от времени спрашивала, не нужна ли помощь.

С Платоном все было странно. Выбор для себя Женя вроде бы уже сделала. С Володей их связывали по-настоящему близкие отношения. Он был ее мужчиной, он сделал ей предложение, они регулярно встречались. Но вот почему-то с ее родителями он так и не познакомился, хотя она с его сестрой и мамой прекрасно общалась.

А Платон наоборот. Вот уже полгода он за ней терпеливо и галантно ухаживал, бывал у нее дома, еще чаще у ее родителей, и даже на даче. Почему-то так выходило, что за помощью она всегда обращалась к нему. Перевезти холодильник, починить крышу, сходить за компанией в гости или на скучный прием, встретить Женькиных дальних родственников на вокзале и отвезти их к ее родителям. У Володи никогда не находилось времени для подобных мероприятий, он был слишком занят работой. А вот Платон, хотя и был большим начальником, но совершенно не задавался и легко соглашался на все. Причем в начале их знакомства Женя ни о чем таком его не просила, просто так выходило, что он становился случайным свидетелем ее телефонных разговоров и сам предлагал помощь, безвозмездную, ненавязчивую, совершенно бескорыстную. И девушка очень быстро привыкла к тому, что у нее есть Платон, готовый в любую минуту подставить плечо, выручить. И все, что требовалось в ответ от Жени, и даже не требовалось, а с благодарностью принималось, это совместный поход в театр или на концерт, исключительно приличный, с хорошими местами и элегантной публикой, или на выставку, респектабельную, получившую положительные отзывы в прессе.

Жене временами казалось, что она ведет себя с Платоном недопустимо, нечестно, потребительно, бессовестно использует его. И даже несколько раз принимала решение объясниться с ним и больше не морочить человеку голову, даря несбыточные надежды. Но каждый раз происходило какое-то происшествие, отодвигавшее объяснение на неопределенное время. Надо

⁴ О знакомстве Жени с Платоном Бобылевым читайте в книге Ю. Алейниковой «До последнего удара сердца».

ехать в отпуск, некуда деть кота с попугаем. Послезавтра родители переезжают на дачу, а там насос сломался и никак не найти мастера. И так далее до бесконечности. Стыд и позор, и никакого выхода.

В тот день Женя собиралась заехать к родителям на чай и заодно пригласила в гости Платона. Просто так. Без всяких просьб, чтобы сделать человеку приятное. Идти с пустыми руками было неудобно, к тому же гость был ее, и Женька решила заскочить в «Перекресток» за тортиком. Она как раз вышла из магазина и направлялась к пешеходному переходу, когда буквально столкнулась с Леной Матвеевой. Вид у бывшей одноклассницы был отнюдь не цветущий. От недавнего благостного оптимизма не осталось и следа. Лена здорово похудела, была бледная, волосы кое-как в хвост собраны, под глазами фиолетовые синяки, наверняка не высыпается, тяжело с маленьким ребенком одной справляться.

«Мама отдельно живет, а приходящий муж и отец – тот еще помощник», – сочувственно подумала Женя, но с Леной своими мыслями делиться не стала, а радостно улыбнулась ей навстречу.

– Ленка! Привет! Поздравляю тебя! – бросилась она к Матвеевой с распростертыми объятиями. – Ты извини, что я раньше не позвонила, замоталась совсем. Мне в роддоме сказали, что ты уже родила, и я все позвонить собиралась, поздравить. Ну как вы справляетесь, молоко есть?

– Нет, – сухим, неприязненным голосом проговорила Лена, выбираясь из Женькиных объятий. – И молока нет, и ничего нет.

– На смехах сидите? – сочувственно спросила Женя, пытаясь придумать что-то подходящее случаю, какое-нибудь умное замечание.

– Не сидим. Некому сидеть, – произнесла Лена, отворачиваясь и собираясь уйти.

– В каком смысле? – нахмурилась Женя, понимая, что начинает сердиться. В конце концов, недосып – не оправдание для хамства, и, по большому счету, она вообще может не интересоваться ни кормлением, ни прочими Лениными странностями, и вообще, не она первая возобновила знакомство.

– В том, что малыш умер, – бросила одноклассница ей в ответ, не оборачиваясь, и быстро зашагала прочь.

– То есть как? – ошарашенная ее словами Женя несколько секунд стояла неподвижно, а потом бросилась за Леной вдогонку. Зачем, она и сама не знала. Большинство нормальных, тактичных людей оставили бы несчастную в покое и не стали бы бередить свежую рану, но Женька, видимо, окончательно утратила это прекрасное, высоко ценимое в интеллигентном обществе качество. Потому что, догнав Матвееву, схватила ее под руку и, приноровившись к ее шагу, продолжила тяжелый разговор:

– Лена, что случилось? Как это произошло, когда? Неужели ничего нельзя было сделать?

– Он вскоре после родов умер, – обреченно проговорила одноклассница, даже не пытаясь вырваться, и было непонятно, почему она так покладиста, то ли у нее нет сил избавиться от Женьки, то ли тема уже не причиняет ей острой боли.

– А что случилось, почему? Что врачи сказали? Или роды были тяжелые? – суетливо спрашивала Женька, пытаясь вспомнить все, что знала о процессе деторождения.

– Просто внезапная младенческая смерть, – тем же неприязненным тоном сообщила Лена. – Такое бывает, и никто не знает почему.

– Это тебе в роддоме сказали? – подозрительно уточнила журналистка, готовясь завтра же мчаться в роддом и выяснять диагноз, отдавать под суд, разоблачать и наказывать. Кажется, на почве работы у нее уже начала развиваться мания мирового заговора, или синдром? В общем, что-то патологическое.

– Мне это Дима сказал, он принимал роды, – торопливо проговорила Лена и наконец-то стряхнула с себя Женину руку.

– Дима? – Женья и не думала оставить Матвееву в покое. – А он-то как это перенес? Вы не расстались?

– Нет, – коротко ответила Лена, пятась от Женьки. – Мне идти надо, – резко бросила она и торопливо, почти бегом рванула в сторону дома.

Догонять ее во второй раз Женья не стала.

Весь вечер она думала о судьбе бывшей одноклассницы и о постигшей ее утрате, даже с родителями и Платоном поделилась. Как-то так получалось, что Женья могла поделиться с ними одними и теми же проблемами, мыслями и чувствами, а вот с Володей все было иначе. Ему она доверяла свои самые сокровенные секреты, но зато часто не рассказывала о повседневных переживаниях. Почему так?

А на следующий день Женю постигло еще одно потрясение. Проходя теперь уже по хорошо знакомому коридору роддома, она стала свидетелем весьма примечательной картины. Дверь уже знакомого Жене кабинета, в котором вел прием доктор Дмитрий Александрович Синельников, кандидат медицинских наук, распахнулась, и высокий симпатичный доктор вышел из кабинета, бережно, почти по-родственному поддерживая под локоток беременную блондинку в голубых кедах и белом просторном платье, примерно на пятом месяце беременности. Девушка на вид была не старше Жени и вела себя с ним как со своей собственностью. Сунула доктору в руки сумку, порылась в ней и, тыкая в Синельникова розовеньким пальчиком, дала ему какое-то задание, тот кивал и соглашался. Потом доктор Дмитрий Александрович проводил барышню до лифта, он что-то заботливо ей втолковывал, держа в руках ее объемную сумку, а перед тем как посадить в лифт, осторожно чмокнул в висок и, улыбнувшись, подтолкнул к дверям. Двери закрылись, и доктор, стерев с лица улыбку, рабочим деловым шагом вернулся в кабинет и вежливым, но лишенным излишней теплоты голосом пригласил в кабинет следующую пациентку.

«Вот сволочь! – глядя вслед доктору, недобро улыбнулась Женья. – А у него, оказывается, жена есть, и тоже беременная, вот почему он на Ленке не женился! Сразу с двумя, негодяй, крутил и обеим умудрился ребеночка сделать, только у Ленки сын умер. Повезло поганцу, алименты платить не придется». И Женья рванула вдогонку за докторской женой, дабы открыть той глаза на собственную «неотразимую» половину – пусть знает, с кем живет! Но тут же при- торმოшила.

– Ой!

Что это она делает? Девушка-то беременная, не дай бог, еще выкидыш случится, или она с ним развестись решит, и ребенок без отца останется. Может, лучше Лене все рассказать? Женья размышляла, стоя на площадке лестницы. Нет. Той тоже бед хватает, пусть уж лучше они сами разбираются. И Женья, развернувшись на сто восемьдесят градусов, направилась в архив.

А потом Лена погибла. Точнее, была убита каким-то наркоманом из-за небольшой суммы денег, прямо у себя в подъезде.

И узнала Женья об этом опять-таки случайно.

Глава 3

У Жени как раз в самом разгаре была битва со старухой Сапуновой. Женя уже выяснила к тому времени факт присвоения ею чужого наследства и пыталась вынудить старую ведьму отдать чужое по-хорошему, и тут ей требовалась поддержка всех возможных союзников. Например, участкового. А заручиться поддержкой участкового было проще всего, обратившись к «любезному другу» майору Суровцеву⁵ из районного следственного комитета.

– Петр Леонидович! – врываясь в знакомый кабинет подобно порыву ветра, с порога провозгласила Женя. – Тут такая история, вы не представляете! Не человек, а настоящее чудовище! – плюхаясь на стул возле майорского стола, делилась она, совершенно не обращая внимания на самого майора и прочих присутствующих.

– Ну что ты за человек, Потапова? – как всегда, устало поинтересовался майор, который уже давно и точно знал, что она за человек, и все равно по привычке начинал любой разговор с ней с этой дежурной фразы.

– А что? – завертела головой Женя, пытаясь понять, чем в очередной раз не угодила ворчливому майору.

В кабинете оказалось подозрительно много народу, на который поглощенная собственными проблемами Женя не обратила никакого внимания.

– Мне сейчас некогда заниматься твоими глупостями, у меня убийство, – многозначительно и тихо проговорил майор, косясь на сидящую напротив Жени пожилую женщину и стоящую за ее спиной родственницу, дочь, наверное, потому что обе женщины были определенно друг на друга похожи. Они обе плакали, но та, что помоложе, старалась держаться и обнимала за плечи пожилую. Ее лицо показалось Жене смутно знакомым.

– Простите, вы случайно не Таня, не сестра Лены Матвеевой? – неуверенно спросила она, пытаясь поймать взгляд молодой женщины.

– Что? – вздрогнув, та взглянула на Женю, попыталась сообразить, о чем ее спрашивают, и согласно кивнула. – Да, я. А вы кто?

– Я Женя Потапова, мы с Леной вместе в школе учились.

Таня была Лениной старшей сестрой, сводной, от первого мужа Лениной мамы, была она старше Лены лет на десять, рано вышла замуж и жила отдельно. Женя видела ее несколько раз в жизни, но отчего-то запомнила. Наверное, потому, что Лена ею очень гордилась, считала ее модной, крутой и успешной.

– Мм, – протянула Таня без всякого интереса и выражения.

– А у вас что-то случилось? Неприятности? – участливо спросила Женя, не обратив внимания на весьма сдержанную реакцию Лениной сестры.

– Так, Потапова, выйдем-ка на минутку, – поднимаясь из-за стола и хватая Женю за предплечье, проговорил майор Суровцев и потянул ее на выход.

– Это твои знакомые? – спросил он, когда они вышли в коридор и майор плотно прикрыл за собой дверь.

– Ну, да, сестра одноклассницы, а это, кажется, Ленкина мама, – запоздало сообщила журналистка. – А что у них случилось?

– Одноклассницу твою сегодня в собственном подъезде убили, – проговорил Суровцев, глядя мимо Жени в конец коридора. – Так что сделай одолжение, прояви человечность и не лезь сейчас к людям, им не до тебя. Мне, кстати, тоже. У меня допрос идет, а ты лезешь с глупостями. Все ясно? – пристально посмотрел ей в глаза майор. – Иди, в другой раз поговорим.

⁵ Об отношениях и истории знакомства майора и Евгении Потаповой читайте в книгах Ю. Алейниковой «Божья кара» и «До последнего удара сердца».

- А как ее убили? – схватила майора за руку Женя, не давая ему скрыться в кабинете.
- Ножом ударили. Несколько раз, – устало проговорил Суровцев.

Впрочем, он всегда говорил усталым голосом. У Жени даже создалось впечатление, что майор Петр Леонидович Суровцев родился очень усталым, изнуренным пессимистом и никогда не ведал радостей в жизни. Но сейчас ее волновал не усталый майор, а погибшая Лена.

– А вы знаете, что у нее недавно новорожденный ребенок умер? – зачем-то спросила она, по-прежнему держа майора за руку.

– Нет. Но к нашему делу это отношения не имеет, – отмахнулся тот от Жени и скрылся в своем кабинете, плотно прикрыв дверь и, кажется, даже щелкнув замком.

Женя брела домой и вспоминала счастливую Лену, такую, какой она встретила ее в род-доме. Кругленькую, с пухлыми щечками и расплывшимися губами, но со счастливыми сиянием глаз. И потом, бледную, потухшую, с неживыми глазами и неизжитым горем на сердце.

Бедная она бедная. И за что на одного человека столько бед свалилось? Как сглазил кто, позавидовал счастью. А может, это докторская жена узнала о беременной любовнице и навела порчу? Или кто-нибудь из ее родных, мать, например?

В сглаз и порчу Женя верила, и в экстрасенсов тоже. Во-первых, ученые уже научно доказали и наличие ауры, и души в человеческом теле, и энергетические посылы, и воздействие молитвы на воду. Например, во время чтения молитвы «Отче наш» кристаллы воды обретают идеальную структуру, а когда играет тяжелый рок, разрушаются, и когда матерные слова произносят – тоже. А человеческое тело на восемьдесят процентов состоит из воды. Вот и делайте выводы.

А еще она любила передачу «Битва экстрасенсов», хотя ей и удавалось посмотреть ее крайне редко, и искренне верила в то, что видела на экране.

Дойдя до собственного дома, Женька вдруг поняла, что просто не в состоянии сегодня оставаться одна, и позвонила Володе. Жених сразу же пообещал приехать, потому что Женька вместо рассказа о погибшей однокласснице пообещала ему голубцы на ужин. А домашнюю стряпню адвокат Скрябин обожал больше всего на свете, кажется, даже больше Женьки, хотя и считал ее непревзойденным кулинаром.

– Да, не повезло девушке, – сидя с Женькой в обнимку на диване, посочувствовал Володя. – Во сколько, говоришь, ее убили?

– Понятия не имею. Я не успела спросить, Суровцеву тогда не до меня было. Наверное, завтра зайду, поинтересуюсь, – прижавшись к Володе, поделилась девушка. – Как думаешь, найдут они убийцу?

– Вполне вероятно. Если это было ножевое ранение, да еще и в парадной, возможно, ее хотели просто ограбить какие-то отморозки, она начала кричать или сопротивляться, и они, занервничав, убили, – поделился своими соображениями Володя, целуя невесту в макушку.

– Прекрати мне эти ужасы рассказывать! – возмутилась Женя, выбираясь из его объятий. – Нечего сказать, умеешь ты утешить.

Володя слегка улыбнулся, сгреб Женьку в охапку и принялся утешать по-настоящему, так, что она действительно обо всем забыла и уснула счастливая, в крепких надежных объятиях сильных, горячих рук. И проснулась утром счастливая и спокойная, и даже на работу опоздала.

В вестибюль телестудии Женя влетела на всех парусах, не глядя по сторонам, да и на что там, собственно, глядеть? На облупившиеся после недавней покраски стены, результат ударного труда бригады гастарбайтеров? На плакаты столетней давности?

Охранник возле турникета еще издали завидел несущуюся к проходной Женьку и дружески ей заулыбался, звезда все-таки.

– Опоздываете, Евгения Викторовна? – издали пробасил здоровенный детина в нелепом сером костюме в клеточку, дежуривший сегодня на проходной. – А вас тут ожидают.

– Кто ожидает? – раздраженно-досадливо спросила журналистка, пытаясь протиснуться в застопорившийся турникет и даже не давая себе труда оглянуться по сторонам. Потому как там, наверху, в редакции, Трупп наверняка уже минут пять как орал на сотрудников собственного канала, обвиняя их в разгильдяйстве и безответственности, клеймя дармоедами и душегубцами, плюющими в собственный колодец, пилящими сук, на котором они все сидят, не приносящими ни копейки доходов, не поднимающими рейтинги дрессированными мартышками, комиками из дешевого балагана и прочими прелестными метафорами. Еженедельное производственное совещание было мероприятием обязательным, назначаемым на разные дни недели, не имеющим строгого регламента, но имеющим одну цель – дать возможность начальству снять непомерное психологическое напряжение, вызванное непрекращающейся борьбой за выживание канала и поднятие его рейтингов. Освободить сотрудника от участия в этом «избиении младенцев» могла только смерть, а Женя была жива и даже здорова, а потому ей надо было срочно влиться в коллектив, чтобы не получить двойную порцию палок.

– Да вон парнишка, – кивнул благодушно сотрудник проходной куда-то в сторону протертого дерматинового дивана, установленного для ожидающих пропуска посетителей под чахлой искусственной пальмой.

Женька оглянулась, не переставая тыкаться в турникет и раздраженно недоумевая, каким еще парнишкам она могла понадобиться столь несвоевременно.

Из-под пальмы поднялся худощавый мальчик лет двенадцати со светлыми густыми волосами, в потертых джинсах и синей вытянутой толстовке.

– Валера? – забыв про турникет и Труппа, недоверчиво-встревоженно спросила Женя, тут же развернулась и быстрым шагом пошла навстречу мальчику. – Ты как здесь оказался? Что-то случилось? Неприятности? – ощупывая Валеру внимательным, полным дурных предчувствий взглядом, спрашивала она, пересекая гулкий вестибюль.

– Да нет. Все нормально, – пожал худенькими плечами Валера. – Просто в гости заехал.

– В гости? В какие гости? – немного расслабляясь, переспросила Женя, подходя к мальчику. Обхватив его за плечи, она повела к окну.

– Ну, вы же сами приглашали, если что, приезжать. Вот я и приехал, – независимо скривив губы и дернув плечом, объяснил Валера.

– Во-первых, я говорила «если что». В смысле, что-то случится. А во-вторых, кто-нибудь знает, где ты сейчас находишься? Ты отпросился у воспитателя или у директора или просто в бега подался? – строго глядя в глаза гостя, расспрашивала Женя.

– Да ни в какие ни в бега. Я Никите говорил, и Даньке тоже, – небрежно отмахнулся от Жениных вопросов мальчик.

– Ну, это, конечно, начальство, – усмехнулась она. – Так что же тебя привело сюда, друг сердечный, и как ты меня нашел?

С Валерой Женя познакомилась два месяца назад, когда готовила передачу, посвященную работе его детского дома. Эта тема всплыла случайно. Одна супружеская пара приняла решение усыновить ребенка, но, прежде чем взяться за дело, решила приглядеться к тому, что же за маленькие люди проживают в детских домах, какие они, что любят, чем интересуются, а заодно, возможно, и присмотреть себе будущего ребенка. Отыскав ближайший детский дом, супруги взяли себе за правило ежедневно прогуливаться поблизости, наблюдая за воспитанниками. То, что они там увидели, настолько их поразило, что они немедленно обратились в полицию, в органы местной администрации и к журналистам, в том числе и к самой Жене. Женю тема заинтересовала, и она рьяно взялась за расследование. Несмотря на всяческие попытки местной администрации и органов опеки и попечительства урезонить Женю и воспрепятствовать ей в подготовке передачи, эфир состоялся – с привлечением свидетелей, пострадавших, с заключениями врачей, психологов и сотрудников прокуратуры. Директора детдома за нецеле-

вое расходование средств, мошенничество и еще по нескольким более неприглядным статьям сперва уволили, а потом привлекли к ответственности, уголовной.

Как установила Женья со своими помощниками, директор регулярно обворовывал своих воспитанников, дети недоедали, были кое-как одеты, не имели элементарных средств гигиены, игрушек, учебников, к тому же он безбожно вымогал взятки с возможных усыновителей, разумеется, не в одиночку. Скандал был таким громким, а резонанс в обществе настолько широким, что администрация города совместно с прокуратурой и профильным комитетом ЗАГАС прошерстила все детские дома и интернаты города и области, а новостные каналы еще долго обсуждали результаты этих проверок. В Валерином же детдоме после эфира был наведен безупречный порядок. Дети срочно откармливались, витаминизировались, подлечивались в санаториях, в отдельных помещениях проводился экстренный ремонт, менялись старые рамы на стеклопакеты, приобреталась новая мебель и так далее. К тому же Жене удалось сколотить новый благотворительный фонд и привлечь к участию в его работе известнейших людей города, а также многих состоятельных бизнесменов. И надо сказать, что, к Жениному удивлению, Платон, который не был ни богатым бизнесменом, ни деятелем культуры и вообще не имел отношения ни к Жениной передаче, ни к детским домам, вдруг проявил удивительные энергию и предприимчивость и пробил у своей компании закупку снарядов для спортивного зала, а также велосипедов и самокатов, просто так, в подарок детям. Женья от умиления чуть не заплакала, когда увидела, с какой радостью и восторгом маленький народ бросился разбирать, рассматривать и осваивать подарки.

А с Валеркой и его приятелями Женья как-то особенно подружилась, а может, это они с ней подружились. Во всяком случае, ребята оказались очень смелыми и первыми решились рассказать посторонним всю правду о своей жизни. И даже участвовали в передаче.

– Ну, так вы сами визитку оставляли. Я в Яндексe, как добратсья, посмотрел и приехал, – в очередной раз пожал плечами путешественник.

– Так просто? А деньги где на проезд взял? – приподняла вопросительно брови Женья. Она уже совершенно забыла о грозном Труппе и совещании с головомойкой.

– Возле «О'кея» настрелял, – самодовольно усмехнулся Валера, – сказал, что из детдома, так мне рублей пятьсот накидали, мороженым угостили, а какая-то тетка палку колбасы дала. Нас же теперь все знают! – гордо выпятив грудь, поделился он.

– Та-ак. Ну, пошли директору звонить, представляю, как Ирина Игоревна с ума сходит, да и воспитатель твой. А потом придется тебя в детдом везти, – вздохнула Женья. – Как будто у меня дел других нет. Меня начальство за твои фокусы без хрена и горчицы съест.

– Вас? Вас что, ругать могут? – с искренним ужасом спросил Валера, глядя на Женю голубыми, невероятного василькового оттенка глазами.

– Еще как. А то и побьют, – буркнула журналистка, но, увидев выражение Валеркиного лица, поправилась: – Шутка. Но влетит точно.

– Не вези меня в детдом, – вдруг как-то жалобно попросил Валера, таких интонаций у него Женья раньше не слыхала. Мальчик никогда не жаловался и не показывал ни своей боли, ни обид.

– А что случилось? – снова напряглась она.

– Я думал, ты меня в гости пригласишь, по-настоящему, – пряча глаза и краснея, проговорил Валера. – Ты же говорила, мы друзья.

– Друзья, – кивнула Женья, даже не заметив, что мальчик перешел с ней на «ты».

– Ну вот, – оживился он, – а друзья ходят друг к другу в гости. Так?

– Так. А чего ты именно сегодня собрался в гости и заранее не предупредил? – пытаюсь сообразить, как правильнее ей поступить, спросила журналистка.

– Ну, собрался и собрался, – снова передернул плечами Валера, как-то заметно мрачней, – а че, слабо детдомовского в гости пригласить? Боишься, что стырю что-нибудь, или родители заругают?

– Я одна живу, так что ругать некому. И к тому же мне работать надо, сейчас ведь только половина одиннадцатого, – все так же задумчиво проговорила Женя, не зная, на что решиться. – Я и так уже на совещание опоздала, а потом у меня встреча в Невском районе назначена, а потом мне надо в городскую администрацию ехать.

– Ну, ладно, я с тобой покатаюсь, – все еще хмуро и настороженно произнес Валера.

– Ты-то покатаешься, – снова усмехнулась Женя его великодушной покладистости. – Да вот возьму ли я тебя, Я же не в гости в отличие от тебя собираюсь, а по работе, и разговоры у меня там будут взрослые, и посторонние уши мне не к чему.

– Я в машине подожду, – не сдавался Валера.

– Нет уж. Сейчас я позвоню директору и повезу тебя домой, – строго, взрослым тоном вынесла вердикт журналистка и полезла за мобильником.

– Да? Все такие, – с истеричной ноткой в голосе выкрикнул Валера, – мы с тобой друзья, звони, если что! Всегда обращайтесь! Такие дети замечательные! А сами хлоп дверью, и лишь бы тебя больше не видеть, плевать вы все на нас хотели! Благодетели! – Валера смотрел на Женю полными слез и злой обиды глазами, и столько было в них боли, что девушка страшно растерялась и, мгновенно утратив свой педагогический задор и решимость, принялась виновато оправдываться, пытаясь ухватиться за Валерину руку.

– Валерка, ну извини. Мне действительно работать надо. Ты бы позвонил заранее, я бы сразу тебе объяснила, что лучше вечером приезжать, а еще лучше в выходные, ну как ты не понимаешь? – Голос ее звучал искренне, просительно и жалобно, к тому же Женя была очень худенькой и почти одного с мальчиком роста, а когда утратила взрослые строгие нотки, стала больше похожа на старшую сестру, чем на «тетю».

– Ладно, – смягчился Валера. – Только можно, я с тобой останусь, я правда мешать не буду, я в машине посижу сколько надо. А потом ты меня в гости пригласишь. Пригласишь?

– А чего ты так на этих гостях заиклился? – успокаиваясь, спросила Женя.

– Просто я никогда ни у кого не был в гостях по-настоящему. В настоящей квартире, – объяснил, глядя куда-то в сторону, Валера, и Женя сразу же поняла, как это для него важно и как он об этом мечтает.

А что стоит ей исполнить его детскую наивную мечту? Да ничего. Значит, надо исполнить, а то получится, что клеймить по телевизору плохих дядей и тетей у нее времени и сил хватает, а исполнить пустяковую детскую просьбу, помочь одному конкретному ребенку, сделать для него что-то хорошее – нет.

– Ладно, – кивнула она. – Сейчас позвоню Ирине Игоревне и договорюсь, что привезу тебя вечером и чтобы она тебя не ругала. Но только и ты уж пообещай мне никогда больше в самоволку не бегать. Обещаешь?

– Да запросто! – просиял Валера.

И Женя позвонила директору детдома, а потом, не заходя в редакцию, поехала на встречу с мадам, бросившей год назад своего новорожденного ребенка в роддоме. Женя очень торопилась увидеться с ней, пока та не передумала.

Глава 4

Валерка не подвел. Он честно отсидел в машине почти полтора часа, пока Женя беседовала с «несчастной жертвой» обстоятельств, родившей от постороннего мужика, а бывшему в командировке мужу навравшей, что ребенок умер, а сама пристроила младенца в дом малютки.

– Вы не представляете, какие это были муки! – закатывая глаза и заламывая руки, вещала сытая, откормленная корова в немыслимых пестрых легинсах, трещащих по швам на ее толстой заднице, и в нелепой, украшенной воланами, кислотной, с огромным вырезом трикотажной кофте. – Но Сергуня сразу же все понял бы. Ребеночек был такой черненький, весь в папку, а у мужа волосы русые, я вообще блондинка. Ужасно! Просто ужасно! Повезло еще, что Сергуню в командировку отправили, не было никакой возможности отказаться, а то просто и не знаю, что бы было.

В начале беседы Женя сперва мягкими полунамеками, а потом конкретными замечаниями пыталась подвести свою собеседницу к мыслям о чьих-то интересах, кроме своих собственных. Задавала ей наводящие вопросы, вроде «а вы не задумывались, что чувствует маленький незащищенный ребенок, просыпаясь ночью в казенной кровати от страха, когда ему снится плохой сон, или кто его пожалеет, когда он упадет и разобьет коленку, кто приласкает его, когда он больной будет лежать с температурой, кто расскажет ему сказку на ночь, кто поцелует его, обнимет, назовет самым любимым, самым замечательным на свете?»

На что неизменно получала череду вздохов, фальшивых слез и причитаний. В духе «бедная моя деточка, бедная сиротиночка». К концу беседы Женя уже сидела молча, стиснув зубы и думая только о том, чтобы не врезать сытой, наглой бабе по ее мерзкой размалеванной морде. Потому что у этой похотливой самки была именно морда, а не лицо, как у людей.

– Ну, что же, Эльвира, – поднимаясь с дивана, проговорила Женя, – не буду врать, что знакомство с вами было мне приятно. Но замечу, что люди всегда отвечают за свои поступки. Всегда, – жестким, грозным голосом заметила она. – Не обязательно сразу, но расплата неизбежно настает. Вчера вы бросили вашего родного ребенка в детском доме, как приبلудного котенка, а завтра так же бросят вас. Я горячо надеюсь, да что там, я просто уверена, что вскорости ваш муж бросит вас, променяв на кого-нибудь помоложе и покрасивее. Вы, конечно, кинетесь искать другого, но, увы. Кому нужна старая, жирная, избалованная, тупая корова? – с наслаждением живописала будущее мерзкой жабы Женя, глядя в ее наливающееся пурпуром лицо. – Помаявшись лет десять от одиночества и неустроенности, вы вспомните о брошенном ребенке, но он вас уже не простит, если, конечно, его к этому времени не усыновят, в таком случае вам его вообще не видать, а если все же разыщете, аукнется вам ваше злодеяние, помяните мое слово.

– Да... да как ты смеешь? – очнувшись наконец мадам и, сузив накрашенные глазищи, поперла своим немалым весом на Женю. – Да я тебя в порошок сотру, дрянь сопливая! Ты мне поугрожай еще! А я-то ей душу открывала! Думала, человек!

– Да нет у тебя никакой души! – крикнула ей в дверях Женька. – Шалава крашенная! – И озорно, громко свистнув на прощание, поскакала вниз по лестнице, ожидая каждую секунду, что ей швырнут вдогонку чем-нибудь тяжелым.

Прыгая вниз по ступенькам, она размышляла о том, что ее выходка была совершенно дикой, нелепой, безобразной, недопустимой и позорящей ее как журналистку и как лицо публичное и в городе уважаемое. Но стыдно ей отчего-то не было. Скорее она сожалела, что не придумала чего-то более впечатляющего. А может, настучать муженьку этой гадины о похождениях супруги и представить документальные доказательства? Пусть знает, с кем живет! Но добежав до первого этажа, она немного остыла и решила не горячиться, а с кем-нибудь посоветоваться. Например, с Володей.

– Ну, что, не соскучился? – влетая в машину, спросила Женька.

– Не-а. Я музон слушал, – беспечно пожал плечами Валера. – Полный отстой.

– М-м, – кивнула Женька и потянула воздух. – Музон слушал и курил. И ждал, когда появится полицейский и спаает тебя, беглеца, и меня заодно за то, что я снабжаю тебя сигаретами, нарушая тем самым закон.

– А ты-то тут при чем? – искренне удивился мальчик. – Это мои, я у ребят стрельнул.

– Притом что, пока ты со мной, я за тебя отвечаю. Поэтому никаких сигарет, никакого пива и так далее. Фантазировать не будем. Или ты немедленно отправляешь домой. Усек? – строго, вполне серьезно предупредила Женька, и Валера отчего-то мгновенно понял, что она не шутит. – А теперь мы перекусим и двинемся в администрацию.

– А у меня денег нет, – осторожно сказал Валера, глядя на Женю тревожными глазами.

– Это естественно, поскольку ты не работаешь, а потому я приглашаю тебя на обед. Ты же мой гость, – на всякий случай добавила она, чтобы у Валеры вдруг не возникло комплексов и сомнений.

– А мы в «Макдоналдс» можем пойти? – тут же оживился мальчишка.

– Можем. Но не пойдем. Во-первых, ты там и так наверняка бывал, во-вторых, это нездоровая пища, от которой идет прибавка веса, повышается давление, забиваются кровеносные сосуды и так далее, в-третьих, я ее терпеть не могу, а в-четвертых, куда веселее попробовать что-то новое. Вот, например, – глядя на скисшее лицо подростка, хитро улыбнулась Женька, – ты бывал когда-нибудь в китайском ресторане?

– Не-ет, – протянул заинтересованно Валера.

– Вот, – подняла вверх палец журналистка. – Туда и двинем. Только попозже. В обед. А сейчас просто тяпнем по кофе с пирожным и помчимся в администрацию.

Встреча в администрации прошла официально тоскливо, казенно и безрезультатно. Всю полученную в итоге часовых посиделок информацию Женька могла получить и на официальном сайте. Но Трупп любил вставлять в передачи интервью с представителями городской власти, а потому Женька с Димой-оператором добросовестно отсняли сюжет. После чего Дима помчался по своим делам, а Женька повезла Валеру обедать.

– Только пригласим к нам в компанию одного человека, – трогаясь с места, предупредила она Валеру.

– Кого еще? – тут же насторожился мальчишка, и в его глазах сверкнули тревога и подозрительность.

– Моего друга, – дипломатично ответила Женька, решив не вешать никаких ярлыков.

– А-а, парня, что ли? – расслабился Валера. – Давай. А он кто?

– Адвокат по уголовным делам, – пояснила девушка, набирая Володин номер.

– А зачем он нам? – снова встревожился Валера.

– Так просто. Для компании. Алло?! Володя? Привет! – оживленно зашебетала Женька, больше не обращая на своего маленького пассажира внимания. – Ты уже обедал? Вот и отлично, давай я сейчас за тобой заеду, вместе перекусим, я сегодня хотела в китайский ресторан сходить. – Незаметно для себя она во время разговора глуповато улыбалась и хлопала ресницами, и ерзала на сиденье. – О'кей. Через полчаса я у тебя.

Валера, глядя на нее, лишь презрительно фыркнул и отвернулся к своему окну.

Подъехав к Володиному офису, Женька решила зайти за ним, поторопить, а заодно предупредить о своем необычном госте. Но едва она вышла из машины, Володя уже показался на крыльце.

– Привет! – весело подскочила к нему Женька и чмокнула в щеку.

– Привет, привет, – обнимая ее за плечи и ведя к машине, обычным чуть насмешливым тоном ответил жених. – О! А это у тебя кто в машине?

– Гость. Помнишь, я программу готовила о детдоме?

– Еще бы! Детально. Ты только о своих передачах и говоришь, – шутливо щелкнул ее по носу Володя.

– Ну, вот, это Валера из детского дома, приехал ко мне в гости, а у меня работа, так что катается вместе со мной, – развела руками девушка, улыбнувшись.

Но Володя вдруг остановился и, повернувшись к машине спиной, строго взглянул Жене в глаза.

– Ты что, его специально приглашала?

– Нет, – покачала головой журналистка. – Ну, точнее, я говорила ребятам, если что, обращайтесь и визитку оставляла, ну вот он и приехал.

– То есть взял и вот так просто свалился тебе на голову? – уточнил Володя.

– Ну, да. А что такого? – растерянно нахмурилась Женька, не понимая, о чем речь.

– Женья, ты понимаешь, что так поступать нельзя? – по-прежнему строго глядя на нее, спросил Володя.

– Как?

– Так. Помнишь, что писал кто-то из классиков? «Мы в ответе за тех, кого приручили». Если ты позволишь ему вот так запросто вторгаться в твою личную жизнь, то завтра он начнет уже требовать твоего внимания, именно требовать, и ты уже не сможешь так просто прервать эти отношения. А дальше? Чего ему захочется дальше, ты подумала?

– Чего? – испуганно спросила Женька.

– Того. Чтобы ты его усыновила. И когда ты откажешься, он обидится на всю жизнь, и для него это станет очередной трагедией. Да и для тебя тоже. К чему приведет подобная ситуация, предсказать сложно. Он подросток с неустойчивой психикой, к тому же детдомовский, ранимый, психологически незащищенный, гипербидчивый, – выговаривал ей, как бестолковой ученице, Володя.

– Володя, – укоризненно улыбнулась Женька, – да мы просто с ним друзья. Какое усыновление? Да и кто мне позволит? Я наверняка не соответствую ни одному требованию.

– Друзья? – скептически переспросил Володя. – Такие дети очень привязчивы.

– Скажи уж сразу, навязчивы, – отчего-то обиделась девушка, но жених пропустил ее замечание мимо уха.

– Тебе стоит сегодня же объяснить ему, что он больше не должен вот так к тебе являться и что ты ему не подруга.

– Почему? – упрямым тоном спросила Женья.

– Потому что я тебе все уже объяснил. Для твоего же, да, собственно, и его блага. А пока что ты ведешь себя легкомысленно и безответственно, как ребенок. Можно и правда подумать, что вы приятели, – усмехнулся Володя.

– Ну, знаешь! – возмущенно фыркнула Женья, и они уже без всяких объятий двинулись к машине.

Обед прошел отвратительно. Володя пытался «строить» Валерку, тот огрызался и дулся, понимая, что не нравится Володе, Женька пыталась их разводить по углам, уводя беседу в нейтральное русло, но выходило только хуже. В итоге Володя, не дожидаясь счета, поднялся, сославшись на кучу важных дел, оставил на столе деньги и вернулся в офис на такси, грозно пообещав вечером заехать. Валера ему вслед показал средний чумазый палец с обгрызленным ногтем. Женья устало выдохнула. О гадине в пестрых лосинах она уже забыла.

Рассчитавшись с официанткой, Женья еще некоторое время молча сидела за столом и пыталась сообразить, какие дела у нее остались на сегодня, и с удивлением поняла, что ничего важного на этот день больше не запланировано. Ехать в редакцию и получать нагоняй от Труппа не хотелось, а потому, взглянув на замершего в ожидании Валерку, предложила:

– А знаешь, поехали домой. Только по пути на минутку в одно место заскочим.

– Здравсте, Петр Леонидович. Я на секунду, – заглядывая в кабинет к майору, с порога успокоила Женя. – Как там дело моей подруги, нашли убийцу?

– Нашли. Тепленьким взяли, – буркнул майор, ковырявшийся в каких-то бумажках. – Точнее, холодненьким.

– В каком смысле?

– Наркоман этот, едва твою подругу пырнул ножичком, тут же за дозой помчался, ну и перестарался на радостях. Умер он от передоза. Мы его тело часа через четыре обнаружили, после того как он коньки откинул. Так-то.

– И все? – как-то растерянно протянула Женя. И это итог двух жизней?

– А ты что хотела? Полный трагических подробностей сюжетец для своей передачи? – сердито огрызнулся майор. Но Женя на него не обиделась. На майора обижаться было глупо и бессмысленно, потому как плохое настроение и злая язвительность были неотъемлемой частью его натуры. Натуры на самом деле не такой уж скверной, но, видно, майор привык маскироваться, и теперь уже было не разобрать, где его истинное «я», а где напускное.

– Ух, ты, здорово у тебя! – несмело заглядывая в комнату и разглядывая потертую мебель и старенькие выцветшие обои, поделился Валера. – А ты одна живешь?

– С котом и попугаем, – ответила из прихожей Женя. И тут же на пороге кухни нарисовался сонный, потягивающийся Корнишон. – А Сильвер где? – спросила у кота Женя. – Опять пооссорились?

– Ой, какой кошак пушистый, откормленный, можно его на руки взять? – плотоядно глядя на Корнишона, спросил Валерка.

– Бери. Не жалко, – милостиво позволила девушка. – Ты проходи пока на кухню, а я переоденусь. Часиков до восьми погостишь, а потом я тебя домой повезу.

– А этот твой, адвокат, когда явится? – скривившись в злой ухмылке, спросил Валера.

– Пока не знаю, но у него ключи есть.

– А чем ты дома занимаешься, когда с работы приходишь? – с интересом рассматривая ее жилище, продолжал расспрашивать Валерка, когда Женя переоделась и принялась готовить праздничный ужин для гостя. Корнишон все это время сидел у мальчика на руках и, видимо, чувствовал себя вполне счастливым. Сильвер же сидел у себя в клетке и особого интереса к гостю не проявлял.

– Не знаю. Иногда телик смотрю, иногда по телефону болтаю, иногда в Интернете сижу, а иногда уборку делаю, – кроша салат, соображала Женя. – А иногда так устану, что сразу в кровать падаю.

– Ясно. А тебе не скучно одной жить?

– Да нет. Я привыкла. Мне даже нравится. Сперва я с родителями жила, потом с парнем, а одна я только год живу, – пояснила девушка.

– С парнем, с адвокатом, что ли?

– Нет. С другим. Мы с ним расстались, – с усмешкой взглянув на любопытного подростка, ответила Женя.

– А с этим что? Тоже вместе жить собираешься? – не разделил ее веселости Валера.

Но на этот вопрос ответа у Жени пока не было. Точнее, у нее был, но вот планы Володи казались ей какими-то неопределенными, а потому она устало, по-взрослому проговорила:

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– По мне, так можно и получше найти, чем этот... – Дальше Валера отпустил замечание оскорбительное и нецензурное, отчего Женя сразу же нахмурилась, отложила нож и строго сказала:

– Вот что. Мы с тобой дружим до тех пор, пока ты соблюдаешь некоторые правила. Первое, не ругаешься матом, второе, не обижаешь моих друзей. Договорились?

– Ладно, – неохотно согласился Валера, видимо, очень не хотевший ссориться с Женей. – Просто больно он противный и надутый, как индюк.

– А вот это не твое дело.

Больше они не ссорились, а вечером девушка отвезла Валеру домой.

Глава 5

– Светлана Игнатьевна, а давно женат доктор ваш, Синельников? – сидя в ординаторской за чашкой чая, спросила Женя старшую акушерку. Веру Сапунову с малышом выписали из роддома уже больше недели назад, но поскольку слух о несчастной многодетной матери-одиночке облетел весь роддом, то даже после ее отъезда роженицы и персонал роддома продолжали собирать для нее «гуманитарную помощь» в виде памперсов, пеленок, детских костюмчиков, рожков и прочего приданого. Заехав за очередной посылкой, Женя осталась выпить чаю и, сама не зная почему, вдруг спросила о Ленином хахале.

– Да он вообще не женат, – удивленно ответила Светлана Игнатьевна, отрываясь от пирожного. – Что, понравился? – тут же улыбнулась она понимающе. – На него многие заглядываются. Даже беременные.

– А он на них?

– На кого? – еще более удивленно спросила Светлана Игнатьевна.

– На беременных, – не моргнув глазом, ответила Женя.

– Да господь с тобой! Они же беременные! К тому же пациентки. Женя, ты чего? – совсем забыла про пирожные Светлана Игнатьевна и с недоумением посмотрела на Женю.

– Да просто я на днях видела, как он с одной беременной общался, даже подумала, что это его жена.

– Да ну, ерунда какая! – отмахнулась от журналистки акушерка. – Ну, кому захочется с чужой беременной женой заигрывать? Хотя, конечно, – каким-то заговорщицким тоном проговорила Светлана Игнатьевна, – бывают такие мужики, которые от беременных баб ну просто тащатся! Ну, пунтик у них такой, – покрутила она пальцем у виска. – Но Дмитрий-то Александрович вполне адекватный, он у нас не один год уже работает, мы бы заметили.

– М-м, м-м, – покивала Женя, но слова Светланы Игнатьевны ей в голову запали. – Скажите, а как часто младенцы умирают при родах, ну или сразу же после? – родился в Жениной светлой голове очередной спонтанный вопрос.

– Умирают? – снова удивилась Светлана Игнатьевна. – Да как вам сказать? Единая статистика, как раньше, не ведется, но в целом по стране показатели выше, чем в развитых европейских странах, причем в разы. В Петербурге ситуация наиболее благополучная по стране. Все же у нас и реанимация, и реабилитационные центры, и роддомов хватает, и специалисты квалифицированные, не то что в каком-нибудь поселке на краю света. В нашем вот роддоме уже больше года таких случаев не было. – Светлана Игнатьевна плюнула через плечо и постучала кулаком по столешнице.

– Как не было? – замерла с чашкой в руках Женя. – А совсем недавно, у знакомой моей, она у вас рожала, Елена Матвеева? У нее мальчик родился и сразу после родов умер.

– У Матвеевой ребенок умер? – недобро нахмурилась Светлана Игнатьевна. – Нет. Вы что-то путаете. У нас определенно никто не умирал. Возможно, уже после выписки?

– Она сказала, что ребенок умер, едва родившись, без всякой причины, вроде бы это синдром какой-то необъяснимой младенческой смерти, – запинаясь от собственной неуверенности, проговорила Женя, пытаясь вспомнить, что точно говорила Лена. И никак не могла. Раньше она была твердо уверена, что младенец умер в роддоме, но тогда бы Светлана Игнатьевна знала?

– Да, такое случается, – тяжело вздохнув, покивала Светлана Игнатьевна. – Как правило, в возрасте от одного месяца до четырех. Никаких симптомов, никаких логических объяснений. Чаще всего такое происходит во сне.

– Да? – переспросила Женя, пытаясь что-то сообразить. – Но ему еще не было месяца, только неделя, может, две.

– Вы же говорили, что он умер в роддоме? – как-то сердито встрепенулась акушерка, вероятно, обиравшись на то, что Женя бездумно бросила тень на их медицинское заведение.

– Мне так показалось, а про две недели я сказала, потому что со знакомой этой встрети-лась недели через две после ее выписки, – поспешила объясниться девушка, совершенно не желавшая ссориться с акушеркой.

– Так уточните у нее, где умер ребенок, – посоветовала та.

– Не могу. Она погибла несколько дней назад. Ее какой-то наркоман из-за очередной дозы убил в собственном подъезде, – проговорила, внутренне поежившись, Женя.

– Ужас! – выдохнула Светлана Игнатьевна. – Вот бедолага! – Она покачала головой и добавила: – Зато теперь она уж точно вместе со своим ребеночком, наверное, пожалел Господь.

Жене очень захотелось ей поверить.

А когда она увидела в коридоре спешащего по делам такого симпатичного, благополучного, деловитого доктора Синельникова, то не удержалась и, бросившись к нему наперерез, с ходу огорошила вопросом.

– А вы знаете, что Лена Матвеева умерла?

– Что? – дернулся от неожиданности доктор. Глаза его мгновенно потемнели, и он, сглотнув появившийся откуда-то в горле комок, просто кивнул. Но потом, вероятно оправившись от неожиданности, всмотрелся в Женьку, собрался с мыслями и, сосредоточенно сведя брови к переносице, спросил запинаясь:

– А вы кто такая? Мы разве знакомы?

– С вами нет. Я подруга Лены. Она показывала мне вас несколько недель назад, еще до родов. – Доктор еще больше побледнел, а глаза его стали почти черными. Вероятно, Женя за пару минут разговора успела пройти по его самым болевым точкам, как то: гибель Лены и смерть их новорожденного сына.

– Она специально приводила вас в роддом, чтобы показать меня? – спросил он какую-то глупость, и было видно по его лицу, что он вообще как-то плохо понимает, о чем ему говорить с Женькой и что делать.

– Нет. Я тут по делам была, случайно встретились, – неохотно пояснила она, а потом снова набросилась, чуть ли не тыча в доктора пальцем. – А когда похороны, вы знаете?

– Ну да. Послезавтра, в половине первого встречаемся в морге, а оттуда на кладбище, – так же заторможенно ответил ей Дмитрий Александрович.

– И вы пойдете? – тем же менторским тоном продолжила допрос Женька.

– Ну да, конечно, – кивнул он. – А вы?

– Тоже, – припечатала девушка.

Так она пошла на похороны. Одной идти на такое мероприятие ей было жутковато и неловко, и она сперва уговорила Лизу, отличавшуюся невероятно добрым сердцем и покладистым нравом, а потом Ольгу, нрав имевшую непреклонный, а насчет сердца у Жени и вовсе были сомнения, есть ли оно?

Но вот прошли похороны, Женя перестала так часто бывать в роддоме, и поглощенная новыми делами и заботами, стала забывать и о Лене, и о ее докторе. И возможно, никогда бы о них не вспомнила, если бы не случайная встреча.

Хотя нет. Сперва был звонок из роддома.

– Евгения Викторовна? Из третьего роддома вас беспокоят, Светлана Игнатьевна, – раздался в трубке официальный строгий голос. – Я звоню по поводу вашей покойной подруги, Матвеевой Елены Борисовны. Я подняла ее карточку. Ребенок родился здоровый, мальчик, три шестьсот, восемь и девять баллов по шкале Апгар. Родила сама. Ребенок выписался здоровым. – Последнее предложение она произнесла максимально раздельно. По слогам.

– Спасибо, – растерянно проговорила Женя. – А какого числа она выписывалась? – вдруг спохватилась журналистка, которой неожиданно вспомнился тот самый день, когда она видела Лену выходящей из роддома, похудевшую и без ребенка.

– Сейчас посмотрю, – пообещала Светлана Игнатьевна и через минуту сообщила: – Двенадцатого числа. Все по графику.

– А роды кто принимал? Синельников? – Уже другим, полным скрытого сарказма тоном спросила Женя.

– Совершенно верно. У вас к нему вопросы? – с едва уловимой ноткой язвительности уточнила акушерка. Все-таки обиделась, поняла девушка.

– Нет, никаких, просто уточнила. Спасибо вам большое. Наверное, я сразу что-то неправильно поняла, – прощаясь, поблагодарила акушерку Женя. И закончив разговор, крепко задумалась.

Ей стоило немало труда восстановить в памяти подробную картину последнего месяца и точно вспомнить, какого числа она видела Лену выходящей из роддома, и по всем Жениным расчетам получалось, что число было именно двенадцатое.

История выходила какая-то непонятная. Лена рождает ребенка, роды принимает отец ребенка, оба заинтересованные в благополучном исходе дела люди. Ребенок рождается здоровым, по документам его выписывают из роддома вместе с матерью. А фактически Лена покидает роддом одна. Потом сообщает Жене, что ребенок умер вскоре после родов. Что здесь не так и кто врет? Кто и зачем?

Однозначно не Лена. Или все-таки Лена? Тогда зачем? Женя сидела в своей каморке в редакции, которую ее начальство гордо называло «кабинетом», и остановившимися глазами смотрела в белый прямоугольник двери. Кабинет был очень узким и длинным, позади окно, впереди дверь, посередине стол, за который с трудом протискивалась даже такая худосочная особа, как Женя. Журналистка Потапова предпочитала сидеть лицом к двери. Вероятно, в ней срабатывал инстинкт самосохранения. Со стороны окна успешная, восходящая звезда телеканала нападения не ожидала, а вот со стороны дверей... Коридоры редакции кишели амбициозными, завистливыми, энергичными, неразборчивыми в средствах, жаждущими славы и денег коллегами, большинство из которых спали и видели, как бы ее подсидеть, подставить, придумать, задавить и занять ее место.

Но сейчас Женю заботила вовсе не «любовь» коллег, а история Лены Матвеевой. И хотя в смерти Лены никакой загадки не было, но вот с ее ребенком что-то было не так. И Женя отчего-то испытывала настоятельную потребность разобраться в этом вопросе. Она нутром чувствовала, что дело здесь нечисто, а значит, ее долг перед покойной подругой расставить все по полочкам! А может, и не долг, а просто нездоровое любопытство, вздохнув, призналась себе Женя.

«Но ведь что-то странное в этой истории все равно есть!» – тут же подбодрила она себя и, прихватив плащ и сумку, покинула редакцию, забежав на минутку к ребятам и велев им самостоятельно просмотреть собранные материалы и подготовить для нее смонтированный, отредактированный сюжет, пригрозив, что это своего рода экзамен на их профессиональную журналистскую зрелость. У «ребят» от такого заявления рты пооткрывались, поскольку некоторые из них работали на телевидении вдвое дольше Жени.

Поостыла она только перед дверью бывшей Лениной квартиры. Той, в которой теперь жили ее мать и бабушка. Когда-то, еще в школе, Женя была несколько раз в гостях у Матвеевой и до сих пор помнила дом, этаж и как расположена квартира на лестничной клетке. И все, о чем она думала по пути на Васильевский, так это о том, как она эту самую квартиру найдет.

И вот теперь, стоя в нескольких сантиметрах от двери, она не могла набраться смелости и позвонить. Как ей вообще ума хватило сюда приехать? О чем только она думала, эгоистка легкомысленная? Как она сможет обсуждать такую щекотливую тему с женщиной, только что

похоронившей дочь? Мрак и ужас. Женя уже собралась тихо отчалить восвояси, когда буквально над ухом услышала спокойный чистый голос.

– Добрый день, вы ко мне?

Женя от испуга резко обернулась и оказалась нос к носу с Лениной мамой. Наталья Владленовна, седая, с зачесанными назад в пучок волосами, невысокая, плотная, с продуктовыми пакетами в руках стояла и спокойно рассматривала девушку.

– Да. То есть нет, – не зная, куда ей деваться, топталась загнанная в угол Женя. – Я просто так, я случайно. Извините.

– Вы ведь Женя, да? – спросила ее ровным, без всхлипов и намеков на истерику, голосом Наталья Владленовна. – Мне Таня вас на поминках показала, и я вас сразу вспомнила. В школе у вас хвостик был такой смешной, коротенький, как у лошадки. И вы всегда были очень активной, в спектаклях школьных участвовали и концертах. Не то что Лена, она у меня была тихоней, не любила выступления. Хотя и слух был, и голосок неплохой.

– Зато она по математике лучше всех тянула, – поспешила вставить Женя. – Я всегда у нее списывала.

– Да, с математикой это у нее в отца, – кивнула Наталья Владленовна. – А что это мы на лестнице стоим? Подержите, пожалуйста, я ключи достану, – попросила Ленина мама, протягивая Жене пакеты.

Деваться было некуда, и девушка вслед за Натальей Владленовной вошла в квартиру.

– Женя, я же понимаю, что вы не просто так пришли, чаю со мной попить, хотя мне это очень приятно, – проговорила Наталья Владленовна, когда, налив гостье вторую чашку чаю, снова вернулась за стол. – Что вас привело? Вы не стесняйтесь, говорите как есть. Я все выдержу, сердце у меня здоровое.

Женя с удивлением и ужасом смотрела на сидящую напротив женщину. Наталья Владленовна, вопреки Жениным ожиданиям, не заливалась слезами и причитаниями, не почернела от горя, а держалась так, словно не ребенка похоронила, а, скажем, двоюродную сестру в годах. Видимо, Наталья Владленовна догадалась, о чем с таким нахмуренным видом размышляет ее гостья, потому что, тяжело вздохнув, сказала:

– Боль от потери ребенка так просто не выплачешь, слез не хватит, – проговорила она, глядя в свою чашку, – мне с ней до конца своих дней жить, внуков растить, второй дочери помогать. Раскисать нельзя. Да еще мама парализованная, после инсульта не встает, никого не узнает и заговаривается. А может, и хорошо, что не узнает, зато о Лене ничего не знает, – добавила она после коротенькой паузы. – Так что говорите, Женя, не стесняйтесь.

И Женя решилась.

– Я о Ленином ребенке поговорить хотела, – робко начала она.

– О ребенке? – искренне удивилась Наталья Владленовна, явно не ожидавшая ничего подобного. – Я думала, Леночка вам денег осталась должна.

– Да что вы? – в свою очередь изумилась Женя. – Стала бы я вас из-за такой ерунды беспокоить.

– А что же с ребенком? Он же умер еще в роддоме, – глядя на нее с тревожным интересом, спросила Наталья Владленовна.

– Точно в роддоме, вы не путаете? – взволнованно спросила девушка, уже понимая, что не зря потревожила несчастную женщину.

– Женя, в чем дело? Что вы знаете? Точнее, что происходит, говорите немедленно, вы меня пугаете! – Теперь она вся подобралась, выпрямила спину и сцепила перед собой руки, словно приготовилась к новому удару.

– Если честно, я не знаю, – опуская глаза, призналась Женя и рассказала Наталье Владленовне все, начиная с их с Леной встречи в роддоме.

К ее удивлению, Наталья Владленовна отреагировала на рассказ как-то удивительно равнодушно. Она немного помолчала, помешала ложечкой остывший чай и задумчиво проговорила:

– Думаю, что никакой тайны здесь нет. Дима сам принимал роды и наверняка сделал все, что возможно для спасения младенца, и к тому же не допустил бы ничего незаконного, а что касается записи в медкарте, возможно, роддом подделал отчетность, чтобы не портить статистику, – вздохнула она еще раз.

– А что вы думаете о Синельникове? – пользуясь случаем, расхрабрившись, спросила Женя.

– О Диме? – приподняв бровь, переспросила Наталья Владленовна. – Он неплохой человек, умный, энергичный, но мне кажется, он просто не достаточно сильно любил Леночку. Иначе бы женился, и никто бы не смог ему помешать. Родители были просто отговоркой. Я и Лене намекала, но она ничего не хотела слушать, а я посчитала, что лучше остаться вдвоем с ребенком, чем совсем одной. К тому же я уверена, он бы их не бросил, помог поставить сына на ноги.

Рассуждения Натальи Владленовны звучали очень здраво, логично, в них чувствовалась житейская мудрость, и Женя ей тут же поверила. Скорее всего, так и было. А Лене никто не хотел огорчать, пока она была беременна.

И Женя занялась своими делами. Пыталась уговорить отказниц дать анонимные интервью для программы, помирилась с Володей, сходила с Платоном на выставку, посвященную венценосной семье Романовых, получила нагоняй от Труппа за пресные, невыразительные сюжеты, сделала новую стрижку, в общем, втянулась в повседневные хлопоты и думать забыла и о Лене, и о ее таинственно скончавшемся ребенке. Но, видимо, судьба была ее решением недовольна, потому как подкинула Жене еще одну приманку, словно тормоза, вынуждая взяться за расследование.

Женя спешила на встречу с Володей, в кои-то веки он пригласил ее не на обед или ужин, а в гости. Причем не просто в гости, а на день рождения своего друга, в качестве своей «женщины». Женя очень волновалась, раньше ее в близкий Володин круг не вводили, ну, не считая знакомства с мамой и сестрой. И то оно было случайным, а не спланированным, хотя и очень душевным.

Женька волновалась, с самого утра ни о чем не могла думать, кроме предстоящей вечеринки, три раза меняла платье, последний раз вернулась с лестничной площадки и в итоге пришла на назначенное Володей место встречи минут на пятнадцать раньше оговоренного времени. Володя задержался в прокуратуре, заехать за ней не успевал и попросил Женю самостоятельно добраться до станции метро «Чернышевская» – его приятель жил в центре города. А поскольку Женя приехала раньше времени, да еще и Володя, как и следовало ожидать, застрял в пробках, она отправилась в ближайшее кафе, чтобы не отсвечивать на краю тротуара в вечернем платье.

Устроившись на мягком диване, Женя ждала свой кофе, бездумно скользя взглядом по посетителям, пока не наткнулась на знакомое лицо. Наискосок от нее возле окошка сидел доктор Синельников и поил клубничным коктейлем очередную беременную. Неизвестно откуда в Женином мозгу всплыли случайно брошенные акушеркой Светланой Игнатьевной слова насчет нестандартных сексуальных предпочтений, изредка встречающихся среди представителей сильного пола.

«Может, у доктора Синельникова бзик, и он просто озабоченный любитель беременных женщин?» – сверля глазами Дмитрия Александровича, размышляла Женя.

Да, но ведь за Леной он начал ухаживать, когда она беременной не была, потому как ребенок был его. А может, он просто бабник, не умеющий пользоваться презервативами? Женька отчего-то все больше и больше раздражалась. Причиной этому, вероятно, была та бережная

нежность, с которой доктор Синельников обращался со своей беременной дамой. Они сидели рядышком на диване, он то и дело брал ее за ручку, проверял, не сквозит ли ей от окна, подтыкал подушку под спину и так далее. В общем, вел себя как примерный муж и будущий отец. А ведь на Лениной могиле даже земля еще не осела, не говоря уже о смерти его собственного ребенка.

Пардон, но если доктор такой бабник и любитель беременных женщин, а все они рано или поздно рожают, то как быть с детьми? Ведь не все же дети умирают во время родов. Детей надо растить, содержать, кормить, поить, одевать, учить и так далее. Если Синельников сейчас одновременно встречается с двумя беременными женщинами, то можно предположить, что такое случалось и раньше, так сколько же алиментов он должен выплачивать? Или в том-то и соль, чтобы не выплачивать алименты? Тут в Жениной голове родилась такая страшная мысль, что она содрогнулась и немедленно стала отгонять от себя дикое видение, чтобы не мучиться потом кошмарами по ночам. Но чем больше она гнала, тем больше оно внедрялось в подсознание.

«А что стало с телом умершего Лениного младенца? – вдруг неожиданно и совершенно спонтанно возникла в ее голове очередная «позитивная» мысль. – Интересно, Лена сама хорошила ребенка? Если да, то где? Возле Лениной могилы никаких свежих захоронений не было абсолютно точно. Там покоятся ее дедушка и прабабушка, а еще, кажется, тетя. Никаких свежих, тем более детских могил». Жене захотелось немедленно позвонить Наталье Владленовне, но она тут же одернула себя и решила, что будет проще заглянуть завтра в роддом и выяснить у Светланы Игнатьевны, как поступают с телами умерших новорожденных младенцев и что все же случилось с Лениным ребенком. А заодно надо будет поинтересоваться личностью доктора Синельникова, потому как в Жениной памяти неожиданно всплыла одна статья, которую она случайно откопала несколько недель назад; пытаясь выяснить, как обстоят дела с отказами от детей в развитых странах Европы, она наткнулась на совершенно дикую историю, произошедшую в современной Испании. Точнее, статья была о том беспределе, который творился в этой европейской стране на протяжении десятилетий и лишь недавно стал достоянием общественности. Но додумать свою мысль об Испании Женя не успела, потому как позвонил Володя и велел немедленно выходить к перекрестку, он будет там ровно через минуту, и ей надо успеть запрыгнуть в машину, пока его гибэдэдэшники не сцапали.

Глава 6

Что же все-таки за люди эти мужики? Вот разве женщина, похоронив своего мужа или друга, могла бы через пару недель с другим по кафешкам обниматься? Нет, конечно! Хотя... Жене вспомнилась толстая избалованная баба в пестрых лосинах, у которой она дней десять назад брала интервью. Такая уже на кладбище начнет заигрывать.

Да. Наверное, дело не в половой принадлежности, а в человеке. А что за человек Дмитрий Александрович Синельников, ей еще предстояло разобраться. Сегодня в роддом заскочить она не успела, но уж завтра заедет обязательно и обязательно узнает, как поступают с телами умерших младенцев, и побеседует с медперсоналом о личности доктора Синельникова.

Женя сидела дома и тосковала. Было только восемь часов вечера, а она уже поужинала и позвонила родителям. Володя сегодня был занят допоздна и сразу предупредил, что заехать не сможет. По телику ничего интересного не показывали, и книжка не читалась.

Жене вдруг вспомнился мальчик Валера и его невинный детский вопрос: «А чем ты по вечерам занимаешься, когда домой приходишь?» Да-а. Чем она занимается? Ничем.

Нечем ей заняться. Может, оттого она и лезет в чужую жизнь, придумывает какие-то тайны и загадки, которых, может, и вовсе не существует. Вот интересно, если бы у нее были муж и ребенок, сидела бы она сейчас перед компьютером и искала бы всякие скандальные истории в Интернете, связанные с пропавшими младенцами? Вряд ли. Малыш бы требовал почитать книжку, или построить вместе домик, или сшить кукле платье, а муж хотел бы, чтобы она выслушала, как какой-то олух Сидоров завалил важное дело, а он его вытянул и спас всю фирму, и начальство его хвалило. А потом надо было бы учить стишок для детского утренника, купать ребенка, гладить мужу рубашки, или их сейчас уже не гладят, а в химчистку сдают?

«Да. Хорошо живется семейным устроенным женщинам. И ничего, что они выглядят замученными, что у них маникюр не свежий, и волосы не уложены, и в талии они расплзлись, зато они нужные, любимые, на них все держится, без них не могут», – мечтательно размышляла Женя, которой вдруг ужасно захотелось замуж. А ведь три месяца назад она и думать не думала о замужестве, пока в один прекрасный день, а точнее месяц, на нее не обрушились сразу три предложения руки и сердца⁶. Женя вспоминала, рассеянно скользя взглядом по экрану компьютера.

...в N-ской области Казахстана у семьи О-вых во время родов умер младенец, но для погребения убитым горем супругам выдали тело чужого младенца. Семья потребовала проведения экспертизы. Куда пропал ребенок и действительно ли он умер?

– Ого! – вслух воскликнула Женя и, сохранив ссылку, быстро застучала пальчиками по клавиатуре компьютера.

А ведь младенец, наверное, денег немалых стоит? Дело-то ведь не шуточное! Да и алименты платить не надо, а если ты детей регулярно производишь, это фактор немаловажный. В голове у Жени вспыхивали и гасли сотни самых диких и разнообразных версий, за любую из которых какой-нибудь голливудский сценарист с радостью отвалил бы ей не одну тысячу долларов. И к тому же Испания!

В Испании на протяжении десятилетий продажные врачи и акушерки подпольно торговали младенцами, разлучали двойни, сообщали родителям о смерти новорожденных, там до сих пор обнаруживаются пустые детские могилы, а сотни людей разыскивают свои настоящие биологические семьи.

«Да, но торговать собственными детьми? – тормознула Женя полет своей буйной фантазии. – Да нет. Невозможно. Конечно, Синельников бабник, и даже Лену он не любил и не

⁶ Эта история описана в книге Ю. Алейниковой «До последнего удара сердца».

сильно горюет о ее смерти, но вот украсть и продать собственного ребенка? Нет. Чуть какая-то. А может, они с Леной вместе решили его продать? А всем соврали, что он умер?»

– Господи! Какой бред лезет мне в голову! – покачала головой Женя, усмехнувшись собственным безумным идеям. Но мысль посетить роддом и покопаться в личной жизни доктора Синельникова она не оставила.

– А, Евгения Викторовна! – поднимаясь Жене навстречу, как-то насмешливо грозно поприветствовала журналистку Светлана Игнатьевна. – А я вас ждала.

– Да что вы? – тут же напряглась Женя. Ох, чувствовала она недоброе, ох, чувствовала!

– Вы же небось по поводу приятельницы своей пожаловали? – все так же, чуть насмешливо и не очень дружелюбно уточнила акушерка, стоя перед девушкой, засунув руки в карманы.словно воспитательница детского сада перед нашкодившим воспитанником. Сходство усиливалось наличием белого халата. В Женином детском саду именно так воспитатели и выглядели.

– Да, – робко проговорила Женя, испытывая необъяснимый дискомфорт.

– Садитесь, – кивнула ей на стул акушерка и сама грузно опустилась на место. – Так вот. Матвеева вас обманула, сказав, что ребенок умер.

– Как это? – встрепелась возмущенно журналистка. – Да я же ее видела, на ней лица не было, она просто почернела от горя.

– Не исключаю, что ваша подруга просто не рассчитала свои силы, когда дала согласие на участие в такой программе, – строго кивнула Светлана Игнатьевна.

– В какой программе? – вытаращилась на нее еще более заинтригованная Женя.

– Суррогатного материнства. Ребенок, которого она вынашивала, принадлежал не ей. Точнее, биологическими родителями ребенка были другие люди, – уже другим, спокойным, без всякого вызова или насмешки тоном проговорила Светлана Игнатьевна.

– Как же так? Она такая счастливая ходила, когда беременная была, про ребенка рассказывала, про предстоящую свадьбу, и вообще. Я же ее у вас здесь в роддоме встретила, – пыталась осмыслить новость Женя.

– А до этого вы когда с ней последний раз виделись? – чуть склонив набок голову, спросила акушерка.

– Ну, на выпускном, наверное, – проговорила девушка, продолжая думать о своем. – Мы в одном классе учились.

– Вы столько лет не виделись, а тут такая встреча, к тому же каковы были шансы, что вы вновь встретитесь в ближайшее время? Может, ей похвастаться захотелось, а не пускаться в сложные объяснения, – предположила Светлана Игнатьевна.

– Да, но зачем было врать, что ребенок умер? – несогласно пожала плечами Женя.

– Ну, вероятно, встреча была неожиданной, ничего лучше в голову не пришло, к тому же, если она болезненно переживала разлуку с ребенком, это объяснение показалось ей наиболее реалистичным. Ведь для нее он действительно умер, да и вы наверняка, услышав такое, сразу же оставили ее в покое, – развела пухлыми крепкими руками акушерка.

– Ну да, – почти добавила про себя Женя. – Значит, ребенок жив, здоров и находится у собственных родителей, – заключила она. – А что это за люди?

– Ну, знаете! – фыркнула акушерка. – Вы что, и их решили навестить? Никак не угомонитесь?

– Нет, нет. Это я так, просто, – поспешила успокоить акушерку Женя, поняв, что перегнула палку. – Значит, Синельников не был отцом Лениного ребенка? – сама себя спросила девушка, но ответ получила от Светланы Игнатьевны: – Ну конечно. Просто он вел ее беременность, наверняка был в курсе суррогатного материнства и оказывал дополнительное внимание, поддерживал.

– Да, но матери-то она сказала, что он ее жених, – никак не могла успокоиться Женя. – Правда, та сразу поняла, что он Лену не очень сильно любит и жениться не собирается. Но ведь она и о смерти ребенка матери наврала.

– А вот это уже их личное дело. Откуда нам знать, какие там отношения в семье и зачем ваша подруга все это затеяла, – рассудительно заметила Светлана Игнатьевна, складывая перед собой кренделем руки, словно закругляя беседу.

В очередной раз Женя была сбита с толку странными поворотами в истории Лениной жизни. Точнее, очень коротенького ее отрезка, который тем не менее никак не давал ей покоя. А может, махнуть уже рукой на зигзаги чужой жизни и заняться собственной? Что, у нее проблем мало? Эфир вон на носу, Скрябин предложение сделал, а в ЗАГС не ведет. И с Платоном пора что-то делать. Женя села в машину и задумалась.

Суррогатное материнство. О нем она практически ничего не знала. Ну, кроме того, естественно, что некая женщина соглашается за приличное вознаграждение выносить чужого ребенка.

Гм. Ну а раз в деле замешаны деньги, то криминал рядом неизбежен. А если не криминал, так уж мошенничество точно, воспряла духом журналистка Потапова, которую нюх все ж таки, кажется, не подвел. Женя встряхнулась и села на сиденье очень прямо, вцепившись руками в руль. Что могло быть не так с Леной Матвеевой? Родила и не захотела расставаться с ребенком? Возможно. Отдала, но ей отказались платить? И это возможно. Заплатили, но Лене показалось мало, стала шантажировать заказчиков? Маловероятно, но возможно.

А могли ее вследствие разногласий убить? Женя сидела по-прежнему прямо, взявшись двумя руками за руль и глядя немигающими глазами на кружащиеся во влажном, каком-то не по-осеннему студенном воздухе листья клена. Они прилипали к ярко-алому, мокрому от дождя капоту Женькиной машины, как пестрые заплатки, желтые, оранжевые, буро-зеленые. Эти жизнерадостные лубочные краски никак не сочетались с мрачными, невеселыми мыслями девушки, печальным хороводом крутящимися в ее голове.

Надо ехать к Суровцеву, решила Женя, неподвижно посидев еще минут десять, глядя на мокрый черный асфальт и яркие пестрые листья. Такая плотность событий в жизни заурядной банковской служащей Елены Матвеевой не может быть простым течением обстоятельств. Девушка встряхнулась, включила заднюю передачу и, не глядя по сторонам, нажала газ. Раздался пронзительный вой, словно включили паровозную сирену, потом оглушающий звук удара и пробирающий до костей, скребуший по нервам срежет сминающегося металла.

– А-а! – заорала перепуганная Женька, бросая все, что можно было бросить. Руль, педали, руки и голову.

– Вы что? С ума сошли? Вы в зеркало заднего вида смотрите, только когда прическу поправляете? – заревел над Женькиным ухом чей-то грозный, как знамение рока, голос.

И Женька, которая от шока, все-таки первая в жизни авария, и так едва дышала, завалившись боком на пассажирское сиденье, и вовсе приготовилась с жизнью прощаться.

– Эй? Вы там живы? Девушка? – продолжал реветь над ухом «потерпевший».

Женька лежала, стараясь не дышать. Раздался щелчок открывающейся двери, чьи-то сильные руки схватили беднягу за плечи и посадили на сиденье.

– Эй! Кончайте придуриваться, у вас даже подушки безопасности не сработали! Ну! – тормозил ее владелец покоренного авто.

Женька сидела, крепко сжав веки, решив на всякий случай «в себя не приходить», но, с другой стороны, бить ее вроде не собирались, вон даже на «вы» обращаются и не оскорбляют. К журналистке Потаповой потихоньку возвращалась способность связно мыслить. И она, робко взмахнув ресницами, приоткрыла глаза, сперва почему-то правый, потом левый.

– Все, очнулись? – сухо спросил голос, и Женя, повернув голову, увидела висящего в проеме распахнутой дверцы мужчину.

– Вы почему в зеркало заднего вида не смотрите, когда назад сдаете? А если бы там не я был, а ребенок?

– А это я в вас врезалась? – с ужасом глядя на мужика и вспоминая дикий грохот и скрежет, хриплым голосом спросила Женя.

– Вот именно. Всю морду помяли, – зло поделился пострадавший, на чьем лице Женя не смогла разглядеть ни одного синяка или ссадины. – Машине еще года нет! Теперь придется дэпээсников ждать, а у меня и так весь день расписан! – то и дело сердито поджимая губы, ворчал мужик.

Женя моргала и жалобно извинялась. А что скажешь? Хотя ее, похоже, никто не слышал. Наконец мужик, выговорившись, обратил внимание на ее жалобный скулеж.

– Ну чего вы дрожите? Боитесь, что бить буду? – все еще хмуро, но с оттенком насмешки спросил он сжавшуюся на сиденье девушку.

– Да, – пискнула она и поджала дрожащие губки.

– Да ладно, расслабьтесь. Ничего страшного не случилось, страховка все покроет. Только времени жалко, и хлопот теперь не оберешься. Давно вы за рулем сидите? – спросил он вполне дружелюбным голосом.

– Да, уже полгода, – понемногу успокаиваясь, ответила Женя.

– Это срок! – покивал мужик уважительно. – Значит, первый раз тюкнулись?

– Ага, – кивнула Женька, соображая про себя, что слово «тюкнулись» звучит не так пугающе, как, к примеру, «долбанулись». А потому, может, и правда ничего страшного не произошло, и стоит вылезти из машины и осмотреть повреждения. А жуткий грохот и скрежет в момент удара были просто плодом ее потрясенного воображения.

– Ну, это стоит отметить, – на этот раз даже весьма игриво провозгласил незнакомец. Он по-прежнему висел в проеме распахнутой передней дверцы, и Женька, кроме массивного силуэта в распахнутой куртке, ничего не могла разглядеть, даже возраст определить не удавалось. – Давайте вызовем дэпээсников и пойдем, отметим ваше боевое крещение, вон и ресторан какой-то поблизости, – предложил он, протягивая ей руку. Учитывая недавнее происшествие, ей ничего другого не оставалось, как на эту руку опереться и выбраться из машины.

Первое, что она оценила, выбравшись на свежий воздух, это «потерпевшего» мужика. Он был не стар, хорошо, дорого одет и имел весьма привлекательную внешность. Вздохнув с облегчением, Женька обратила свой взор на багажник собственной машины и на ту, что стояла за ней. Там возвышался огромный сверкающий джип. Тут Жене снова поплохело. Во сколько обойдется ремонт этой громадины? Она пошатнулась и почувствовала, как крепкая мужская рука подхватила ее под локоть.

– Не стоит волноваться. Там всего несколько царапин на бампере, – успокоительно произнес пострадавший незнакомец. – Это я уж так на вас налетел, для порядку. И вашей «малышке» ничего особо не сделалось. Багажник поменяете, и всего делов. Ну? Все нормально?

– А меня зовут Лаврентий Иннокентьевич. Да, – подтвердил он, видя вытянувшееся от удивления Женино лицо. – Родители постарались. Но ничего, живу. Вы, милая Евгения, можете называть меня просто Лаврентий.

– А чем вы занимаетесь, Лаврентий, если не секрет? – спросила у собеседника девушка, проявив известную долю нахальства, но он отчего-то к таким вопросам располагал. Жене даже показалось, что не задай она такого вопроса, он, вероятно, даже обиделся бы.

Может, потому, что одет он был несколько оригинально. Дорогой, элегантный, но явно не деловой костюм густого синего цвета, рубашка с воротником стойкой, шелковый шарф, кашемировое полупальто весьма смелого оригинального фасона.

«Может, артист или музыкант?» – без всякого интереса или удовольствия размышляла Женя, имевшая в недавнем прошлом весьма широкий круг знакомств в творческой среде и никакого интереса к ее представителям более не испытывавшая.

– Я маг, – ответил как бы между прочим, потягивая из крохотной рюмочки вонючую лакричную настойку, Лаврентий. Женя лакрицу терпеть не могла. И хотя ответ был дан небрежным, намеренно легкомысленным тоном, она поняла, что ее визави отвечать было приятно и он ожидает от барышни определенной реакции.

Поскольку Женя все еще ощущала некоторую вину перед своим новым знакомцем, то снисходительно решила ему подыграть.

– Маг? То есть волшебник? – вытаращив на Лаврентия удивленно-восхищенные глаза, переспросила она. – Настоящий? А где же ваша волшебная палочка? – А потом встрепенулась и, отставив в сторону бокал с кофе по-венски, облокотившись на стол, потянулась к «таинственному» собеседнику. – А вы исполняете желания?

– Нет. Я же не золотая рыбка, – снисходительно улыбнулся он. – А волшебная палочка мне не требуется. Я не Гарри Поттер, – проговорил он, но, заметив тень огорчения на лице собеседницы, добавил доверительным голосом: – И тем не менее творить чудеса я могу. Вот, например, ... – И он взял Женькину ручку в свою большую холеную ладонь с длинными музыкальными пальцами и, не глядя на нее, подержал несколько секунд, устремив взгляд в пространство. Потом отпустил руку и посмотрел на девушку серьезными, немного печальными глазами. – Боюсь, Евгения, что ваши нынешние сомнения не беспочвенны. Я вижу темный силуэт у вас за спиной, и он явно взывает к вам и просит о помощи.

– Что? – Жене показалось, что над ней решили подшутить. Либо остроумные коллеги из соседней редакции со своей дурацкой программой розыгрышей, либо Светлана Игнатьевна, обиженная на Женьку за свой драгоценный роддом. Последнее было абсурдом.

Она мгновенно насупилась, откинулась на спинку кресла и криво усмехнулась в ответ Лаврентию.

– Как интересно! А скажите, силуэт согласие на интервью даст в обмен на помощь?

– На интервью? – озадаченно нахмурился Лаврентий. – Я пока не понимаю насчет интервью, но речь идет об убийстве этой девушки.

– Об убийстве? – все еще насмешливо кривясь, переспросила Женя, пытаясь вспомнить, с кем она обсуждала историю Лениной гибели, а заодно и тайну пропавшего ребенка. Как ни странно, но выходило, что ни с кем. Даже Володе она не рассказывала о своих сомнениях и подозрениях, и маме, и Лизе, и Ольге, и уж тем более Платону. А на работе и вовсе не говорила. Женя озадаченно нахмурилась и пытливо взглянула на Лаврентия. – Так о каком убийстве идет речь? – спросила она строго.

– Убийстве этой девушки, – серьезно повторил маг, ничуть не смущаясь. – Она очень хочет, чтобы вы продолжили расследование, и про мужчину какого-то говорит, но я не понимаю, – покачал он головой. – Я, знаете, так вот сразу не могу глубоко копать, мне для этого сосредоточиться надо. Имя человека узнать, может, вещь его подержать, к тому же я сейчас выпил немного, а это совсем плохо. Так что извините, – пожал он плечами.

– Лаврентий, вы что, экстрасенс? – стыдась своего нелепого вопроса, проговорила Женя.

– Нет. Я маг, – отрицательно покачал он головой. – Экстрасенс – это человек, который обладает повышенной чувствительностью, но не может творить чудеса. Я могу, – спокойно объяснил Лаврентий, словно речь шла о чем-то прозаическом. – Я, например, не стоматолог, а ортодонт. Первый пломбы ставит, а я прикус исправляю.

Женя скептически смотрела на собеседника.

– Не верите? – переспросил он наконец. – Ну, вот вам моя визитка, можете навести обо мне справки. А что касается чудес, то о вас самой мне рассказать гораздо проще, чем о тени за спиной. Только не волнуйтесь, я не буду озвучивать тайны, которые могут смутить вас, –

поспешил он успокоить девушку, так, словно она опасалась, что он сможет озвучить что-то стоящее. Ей так и хотелось небрежно бросить ему «валяйте», но она удержалась и просто кивнула.

Лаврентий картинно запустил руку в густые золотисто-каштановые, уложенные небрежными локонами, явно крашенные волосы и, задумчиво обхватив рукой подбородок, проговорил:

– Вы артистическая натура, Евгения. Хотя главная мечта вашей жизни так и не реализовалась, но все же вы нашли свое место в жизни и способы самовыражения. И я бы даже отметил, свое призвание. Потому как сцена, простите меня за смелость, это не ваше. Вы бы не достигли высот, даже если бы сумели туда пробиться.

Жене потребовались немалые усилия, чтобы не выдать собственное потрясение.

– У вас очень сильный и мудрый ангел-хранитель, который смог, несмотря на ваши слепоту, напористость и энергичность, вывести вас на правильную дорогу, – все так же задумчиво произнес Лаврентий. – Вам надо побольше доверять ему.

Маг не спеша взял свою крошечную рюмочку и сделал маленький глоток вонючей настойки, несмотря на свое недавнее замечание, что алкоголь притупляет его внутреннее зрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.